II/III-37 Вт

О БОГОСЛУЖЕБНОЙ ПОЭЗІИ

ДРЕВНЕЙ

ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

ДО КОНЦА IV ВѢКА.

Александра Снегирева.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія
1891.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Марта 1891 года.

312
37

Отдѣльныя оттиски изъ журнала «Вѣра и Разумъ».

О БОГОСЛУЖЕБНОЙ ПОЭЗІИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

ДО КОНЦА IV ВѢКА.

Православное богослуженіе, разсматриваемое въ цѣломъ составѣ, представляетъ величественное, стройное твореніе. Въ немъ мы видимъ живое и полное выраженіе идеи истиннаго общенія и единенія съ Богомъ,— въ связи съ изображеніемъ всего домостроительства нашего спасенія. Для воплощенія этой идеи и соединенныхъ съ нею чувствъ и стремленій вѣрующихъ, православная церковь воспользовалась всѣми лучшими средствами искусства, насколько они соотвѣтствуютъ священной важности такой цѣли. Вся обстановка православнаго богослуженія, а также большая часть изъ того въ немъ, что составляетъ такъ называемую субъективную сторону, или—что относится къ выраженію внутреннихъ состояній вѣрующихъ,— носитъ на себѣ печать художественнаго творчества. Здѣсь почти всѣ отрасли искусства принесли и несутъ еще обильную дань.

Соотвѣтственно внутреннему величію, какимъ преимущественно отличается православное богослуженіе, изъ всѣхъ искусствъ, призванныхъ къ служенію литургическимъ цѣлямъ, едвали не самое широкое приложеніе нашла здѣсь себѣ поэзія. Это усматривается въ богатствѣ богослужебно поэтическихъ произведеній, или пѣснопѣній, въ обиліи мотивовъ ихъ содержанія и разнообразіи формъ,— хотя бы только въ области лирики,— выработанныхъ часто до высокой степени художественности. Такому усиленію богослужебной поэзіи въ

православной церкви, естественно, могло способствовать, помимо существенно важнаго значенія, какое имѣетъ лиризмъ въ богослуженіи вообще, и помимо особыхъ историческихъ условій, между прочимъ, то, что она должна была развиваться—вмѣстѣ съ пѣніемъ—отчасти взамѣнъ и, такъ сказать, на счетъ инструментальной музыки.

Какъ совокупность многочисленныхъ и разнообразныхъ произведеній, богослужебная поэзія православной церкви является плодомъ многовѣковой творческой дѣятельности. Поэтическое же творчество, проявившееся въ христіанской церкви, съ самаго начала его, въ примѣненіи къ потребностямъ богослуженія, сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ церкви греческой и, усилившись преимущественно въ византійскій періодъ ея существованія, выразилось здѣсь со всѣми своими отличительными особенностями. При этомъ, во всемъ ходѣ постепеннаго совершенствованія богослужебно-поэтическаго творчества здѣсь, расширенія области его произведеній и развитія формъ - намъ открывается сложный процессъ, еще далеко недостаточно объизслѣдованный. А между тѣмъ въ немъ нужно искать объясненія многихъ сторонъ православно-богослужебной поэзіи. Вотъ почему раскрытіе этого живаго процесса составляетъ весьма важную задачу научнаго изслѣдованія разсматриваемой области. И въ этомъ отношеніи, прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе первые моменты развитія богослужебной христіанской поэзіи—тѣ ступени, на которыхъ она находилась въ греческой церкви въ первые четыре вѣка.

Богослужебная поэзія первыхъ вѣковъ христіанства, отражающая въ себѣ, по близкой связи ея съ событіями церковной жизни, внутреннее состояніе церкви, можетъ интересовать собою изслѣдователя съ разныхъ сторонъ. Такъ, по произведеніямъ ея можно прослѣдить первоначальное развитіе христіанскихъ идеаловъ. Въ церковныхъ пѣсняхъ, прежде всего, должно было отразиться въ высшей степени живое впечатлѣніе принятія и усвоенія христіанства, впечатлѣніе, которое своею силою охватило, такъ сказать, все существо первенствующихъ христіанъ, какъ свидѣтельствуютъ памятники христіанской древности и величественный фактъ ея — мученичество.

Какъ важно это для характеристики явленій церковно-исторической жизни первыхъ вѣковъ христіанства—понятно само собою. Далѣе, церковные гимны этого времени могутъ служить непререкаемою основою для богословскихъ выводовъ, которые касаются такихъ существенныхъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія. какъ троичность лицъ въ Богѣ, божество Іисуса Христа и т. п.

Но главный интересъ изслѣдованія богослужебной поэзіи первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства, очевидно, историко-литургическій. И съ этой стороны, она давно уже стала обращать на себя вниманіе ученыхъ. Кромѣ болѣе или менѣе обширныхъ литургическихъ и археологическихъ очерковъ, относящихся къ изслѣдованію всей гимнографіи греческой церкви, она имѣетъ въ своей литературѣ даже цѣлыя спеціальныя сочиненія. Но значеніе ихъ опредѣляется собраніемъ только матеріала, ожидающаго еще полной научной разработки, по программѣ, какую диктуютъ современныя научныя требованія. Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ замѣчается, между прочимъ, почти совершенное отсутствіе литературнаго анализа — внутренняго и особенно внѣшняго характера произведеній богослужебной поэзіи, разсматриваемыхъ въ ихъ тѣсной связи между собою; нѣтъ въ нихъ послѣдовательнаго раскрытія генетической связи богослужебно-поэтическихъ формъ [1]).

Обращаясь къ изслѣдованію пѣснопѣній греческой церкви, необходимо замѣтить, что они близко граничатъ съ обширною областью словесно-богослужебныхъ произведеній, имѣющихъ отчасти поэтическій характеръ, — молитвами. Въ самомъ дѣлѣ, молитвы имѣютъ въ себѣ много лирическаго содержанія, выраженія порывовъ религіознаго воодушевленія, чтобы ихъ можно было, съ этой стороны, строго отдѣлять отъ собственно

---

[1]) Впрочемъ, недавно вышедшее въ свѣтъ сочиненіе католическаго ученаго Питры,—подъ заглавіемъ: «Hymnographie de l'Eglise Greque», представляетъ удачный опытъ изслѣдованія богослужебной поэзіи греческой церкви въ новомъ направленіи. Заслуга Питры, сообщающая особую цѣнность его труду, состоитъ въ строго научной, серьезной постановкѣ вопросовъ, касающихся большею частію внѣшней стороны греческой гимнографіи византійскаго періода. Что же касается гимнографіи первыхъ четырехъ вѣковъ, то этотъ ученый, едва намѣчаетъ главные пункты изслѣдованія ея.

богослужебно-поэтическихъ произведеній, каковы пѣснопѣнія. Поэтому, рѣзкое разграниченіе между тѣми и другими можно дѣлать только по отношенію къ внѣшней формѣ — стихотворному складу послѣднихъ и отчасти — богослужебному употребленію ихъ. Впрочемъ, и съ внутренней стороны — характера — можно еще усматривать различіе въ томъ, что въ пѣсняхъ церковныхъ съ особою силою выступаетъ идеальный элементъ, — то, что̀ нельзя высказать простымъ, обыкновеннымъ языкомъ, что остается какъ бы недосказаннымъ и вмѣстѣ непосредственно говорящимъ сердцу каждаго; тогда какъ въ молитвахъ выражаются болѣе простые отзывы сердца, указываются или обозначаются и какъ бы только перечисляются внутреннія состоянія, возбуждаемыя религіозными предметами.

Если, поэтому, выдѣлить изъ области богослужебно-поэтическихъ произведеній молитвы, то окажется, что богослужебная поэзія греческой Церкви до конца IV вѣка, по составу пѣснопѣній, имѣетъ весьма тѣсный объемъ, ограничиваясь только незначительнымъ количествомъ извѣстныхъ церковныхъ пѣсней. Не смотря на это, изслѣдователю не легко оріентироваться въ ней. Такъ, первые вопросы, съ которыми встрѣчается здѣсь онъ,—о первоначальномъ появленіи пѣснопѣній, равно какъ о богослужебномъ употребленіи тѣхъ или другихъ изъ нихъ — обрекаютъ его лишь почти на одни гаданія и попытки, не приводящія къ положительнымъ результатамъ. А это, очевидно, слишкомъ неблагопріятно должно отзываться на раскрытіи хода послѣдовательнаго развитія пѣснопѣнія древне-греческой церкви. Вотъ почему, при настоящемъ знакомствѣ съ богослужебными произведеніями ея, являвшимися до конца IV вѣка включительно, остается пока довольствоваться, главнымъ образомъ, характеристикою общаго состоянія богослужебной поэзіи этого времени и ограничиться общимъ взглядомъ на происхожденіе тѣхъ или другихъ формъ ея. При этомъ можетъ имѣть мѣсто, впрочемъ, нѣкоторая группировка пѣснопѣній, на основаніи особенностей извѣстныхъ формъ внѣшняго построенія ихъ; а при ней, можетъ быть, не будетъ слишкомъ смѣлою и попытка — изслѣдовать ихъ генетическую связь.

I.

Всемірная апостольская миссія на первыхъ порахъ нашла себѣ пріемъ у людей единоплеменныхъ первымъ провозвѣстникамъ христіанскаго ученія. Этому благопріятствовало то, что ко времени пришествія Спасителя іудеи успѣли уже разсѣяться по всѣмъ извѣстнымъ концамъ тогдашняго міра, — разселиться всюду съ своими религіозными учрежденіями, сосредоточивавшимися въ синагогѣ, которую апостолы избирали первоначальнымъ поприщемъ для своей проповѣди. Весьма естественно, поэтому, что первыми христіанами въ странахъ языческихъ являлись іудеи. Отсюда понятно и то, что христіанское богослуженіе съ перваго время распространенія здѣсь христіанства должно было совмѣщать въ себѣ многія особенности богослуженія іудейскаго. Одною же изъ важнѣйшихъ составныхъ частей послѣдняго было псалмопѣніе, которому Іисусъ Христосъ своимъ примѣромъ сообщилъ высшее освященіе.

Нужно ли говорить, что христіане изъ язычниковъ съ благоговѣніемъ приняли въ богослужебное употребленіе это священное наслѣдіе? И это принятіе такого сокровища библейской поэзіи, какъ псалмы, было тѣмъ болѣе естественно, что обусловливалось общечеловѣческимъ характеромъ ихъ, по которому въ псалмахъ можно находить выраженіе самыхъ возвышенныхъ состояній человѣческой души, чистѣйшихъ — глубокихъ и сильныхъ движеній сердца изъ области чувствъ религіознаго и нравственнаго, и по которому, какъ говоритъ св. Аѳанасій Александрійскій [1]), въ нихъ «измѣрена и обнята вся жизнь человѣческая». Само собою разумѣется, что это священное достояніе не могло не имѣть благотворно обаятельнаго дѣйствія на христіанъ изъ язычниковъ, напр., грековъ. Извѣстныя мѣста свящ. Писанія Новаго Завѣта и свидѣтельства отцовъ церкви относительно употребленія псалмовъ первенствующими христіанами съ очевидностью указываютъ на то, какъ они проникались священною силою библейской поэзіи, какъ иска-

[1]) Въ кн. къ Маркеллину.

ли въ нихъ и находили источникъ религіознаго воодушевленія и религіозно-творческаго вдохновенія.

Не смотря на близость этихъ библейскихъ гимновъ сердцу каждаго, на эту приспособленность ихъ къ общеловѣческимъ состояніямъ, не смотря на новость ихъ для христіанъ изъ язычниковъ,—употребленія въ первенствующей церкви однихъ этихъ священныхъ пѣсней было недостаточно. Дѣйствительность, въ которой очутились первые христіане, представляла слишкомъ много сторонъ, возбуждавшихъ новыя состоянія въ области религіозной жизни, которыя требовали живаго выраженія, творческаго воспроизведенія. Если собрать всѣ черты того оживленнаго, одушевленнаго чувствами, связанными съ идеею возрожденія того восторженнаго состоянія, въ какомъ находились первые христіане, то можно представить, приблизительно, какое богатство самыхъ возвышенныхъ и пламенныхъ чувствъ, какое обиліе вдохновенныхъ образовъ должно было вторгаться въ душу каждаго проникавшагося христіанствомъ. Стоитъ, въ самомъ дѣлѣ, мысленно перенестись въ это, безспорно, высоко-поэтическое состояніе полноты радостныхъ и скорбныхъ, вызывавшихся видомъ почти постоянной борьбы и страданій за святость новыхъ религіозныхъ убѣжденій, чувствъ,—чтобы быть увѣреннымъ въ необъятно-богатомъ источникѣ религіозно-поэтическаго вдохновенія.

Съ другой стороны, болѣе чѣмъ вѣроятно, даже несомнѣнно то, что время постоянной, продолжавшейся цѣлые три вѣка борьбы и страданій вовсе не было благопріятнымъ для стройнаго и гармоническаго выраженія религіозныхъ чувствъ, приспособленнаго къ цѣлямъ богослуженія. Не смотря на это, впрочемъ, отъ христіанской древности сохранились свидѣтельства о выраженіи христіанами первыхъ трехъ вѣковъ невольныхъ порывовъ религіозно-поэтическаго вдохновенія въ церковныхъ пѣсняхъ,—и, вообще, такія данныя, на основаніи которыхъ можно заключать о существованіи и даже о содержаніи и характерѣ чисто-христіанскаго пѣснопѣнія въ эту бѣдственную эпоху для церкви. Эти данныя, правда, скудны, отрывочны и нуждаются еще въ научной разработкѣ, почему изслѣдователю разсматриваемой области приходится жаловать-

ся на недостаточность ихъ для характеристики состоянія богослужебной поэзіи въ древнѣйшій періодъ ея развитія.

Недостаточность этихъ данныхъ Мюнтеръ объясняетъ тѣмъ, что большая часть христіанскихъ гимновъ, составленныхъ въ это время и хранившихся въ церковныхъ книгахъ, подвергались преслѣдованію и, вмѣстѣ съ этими книгами, уничтоженію со стороны гонителей, и что количество этихъ пѣсней было не велико, потому что религіозно-поэтическая производительность тогда еще немогла имѣть благопріятныхъ условій [1]). Къ этимъ объясненіямъ Августи присоединяетъ еще то, что «disciplina arcani», принятая у христіанъ первыхъ вѣковъ по отношенію къ таинствамъ, простиралась и на церковныя пѣсни, особенно относящіяся къ Троицѣ и лицу Іисуса Христа [2]). Сюда же, кажется, нужно отнести указанія на употребленіе при богослуженіи *импровизированныхъ* пѣсней, которымъ, разумѣется, трудно было сохраниться. О существованіи же обычая употреблять импровизированныя пѣсни свидѣтельствуетъ, по общепринятому мнѣнію, св. ап. Павелъ въ 1 Коринѳ. XIV, 26 (ἕκατος ὑμῶν ψαλμὸν ἔχει). Совершенно ясно и отчетливо указываетъ на эту импровизацію Тертулліанъ – въ описаніи вечери. «Когда умоютъ руки и зажгутъ свѣчи, говоритъ онъ, каждому предлагается выйти и пропѣть что-либо во славу Божію, или-*что можетъ отъ себя*» [3]). Многіе ученые, далѣе, какъ напр., Августи и Гарнакъ, находятъ намекъ на импровизацію церковныхъ пѣсней въ 59 правилѣ Лаодикійскаго собора, которымъ, между прочимъ, запрещается христіанамъ пѣть въ церкви собственные псалмы.

Въ IV вѣкѣ, съ извѣстнымъ измѣненіемъ условій церковной жизни, въ частности,— условій отправленія богослуженія, гимнографія церкви греческой является на новой ступени развитія. Но отсутствіе памятниковъ и скудость свидѣтельствъ, относящихся къ ней, крайне не благопріятствуютъ болѣе или менѣе полной и точной характеристикѣ этого со-

---

[1]) Ueber die älteste christliche Poesie.
[2]) Denkwürdigkeiten... T. V, 266—267.
[3]) Apolog., c. 39.

стоянія богослужебной поэзіи того времени. Это обстоятельство заставляетъ прибѣгнуть къ пріему косвеннаго заключенія о степени развитія пѣснопѣнія въ греческой церкви IV вѣка, — судить о состояніи богослужебной поэзіи здѣсь въ это время, въ частности, объ отдѣльныхъ произведеніяхъ ея, по извѣстнымъ постороннимъ современнымъ памятникамъ, болѣе или менѣе близкимъ къ оригинальнымъ—церковнымъ. Пріемъ этотъ, впрочемъ, можетъ имѣть мѣсто и въ изслѣдованіи богослужебной поэзіи греческой церкви и перваго періода.

Первымъ свидѣтелемъ того, что еще въ апостольское время христіане не довольствовались употребленіемъ при богослуженіи однихъ только библейскихъ пѣснопѣній, а составляли, по требованію новыхъ духовныхъ нуждъ, свои вдохновенныя пѣсни,— является св. апостолъ Павелъ — строитель церковнаго богослуженія. Въ двухъ извѣстныхъ многознаменательныхъ параллельныхъ мѣстахъ его посланій—къ Ефес. гл. V, ст 19 и къ Колосеян.—111, 16—раздѣльно представляются три различныя формы церковныхъ пѣснопѣній: псалмы (ψαλμοι), пѣнія (ὑμνοι) и пѣсни духовныя (ωδαι πνευματικαι), долженствовавшія служить къ назиданію вѣрующихъ. Что здѣсь нужно видѣть обособленныя формы богослужебныхъ пѣсней, а не разные виды псалмовъ или свойства ихъ, какъ наприм., думаетъ блаж. Іеронимъ,—въ пользу этого говоритъ то весьма важное обстоятельство, что между пѣснями, заимствованными первенствующею церковью отъ іудеевъ, особый видъ ихъ представляли, какъ извѣстно, такъ называемыя торжественныя пѣсни Израиля [1]), импровизированныя, по разнымъ историческимъ случаямъ, вдохновенными лицами. Въ силу этого, Апостолъ, говоря о псалмахъ, не могъ не упомянуть объ этихъ пѣсняхъ гимнахъ, весьма сродныхъ имъ, также служащихъ къ назиданію и принятыхъ въ богослужебное употребленіе. Прямое осно-

---

[1]) Таковы: торжественная пѣснь Моисея (Исх. XV); обличительная пѣснь—его же (Второз. XXXII); побѣдная пѣснь—Девворы (Суд. V); пѣснь трехъ отроковъ (Дан. III) и др. Изъ новозавѣтныхъ библейскихъ пѣсней имъ соотвѣтствуютъ—пѣсни: Св. Дѣвы (Лук. I, 46), Захаріи (Лук. I, 68), Симеона (Лук. II, 29).

ваніе видѣть это упоминаніе ихъ въ словѣ «ὑμνους» заключается въ томъ, что разсматриваемыя пѣсни называются гимнами, какъ напр., у Сираха въ XLIV, I. Если, теперь, слово «гимнъ» означало импровизированную библейскую пѣсню, а не пѣснь, входящую въ составъ Псалтири, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что съ этимъ именемъ подобнаго рода пѣсни употреблялись въ апостольское время и что въ указанныхъ мѣстахъ посланій св. ап. Павла говорится объ этихъ именно «гимнахъ отцевъ». Такое пониманіе термина «гимнъ» по отношенію къ употребленію его въ данномъ случаѣ признается за безошибочное почти всѣми изслѣдователями древнѣйшаго пѣснопѣнія греческой церкви. Установленіе же этого пониманія имѣетъ для насъ весьма важное значеніе: оно ведетъ къ тому заключенію, что «пѣсни духовныя», которыя апостолъ ставитъ наряду съ «гимнами», представляютъ, какъ и эти послѣдніе, особый видъ пѣснопѣній, употреблявшихся въ апостольскій вѣкъ въ церкви. Заключеніе это согласуется съ характеристикою ихъ, какъ произведеній новозавѣтной, христіанской богослужебной поэзіи, — содержащеюся въ названіи «ᾠδαὶ πνευματικαὶ». Эпитетъ «πνευματικος» какъ нельзя болѣе ясно, кажется, указываетъ на христіанскій характеръ третьяго вида упоминаемыхъ апостоломъ Павломъ пѣсней, потому что «недуховныхъ псалмовъ, какъ говоритъ преосвященный Филаретъ, недуховныхъ гимновъ—не знала церковь іудейская, отъ которой приняты псалмы и гимны христіанскою церковью, и потому, что имъ обозначается то свойство христіанскихъ пѣсней, по которому онѣ — «плодъ обновленнаго духа и проникнуты духомъ благодати» [1]).

Свидѣтельство св. ап. Павла объ употребленіи въ первенствующей церкви собственно христіанскихъ пѣсней, для насъ становится болѣе очевиднымъ, при указаніяхъ ближайшихъ къ апостольскому времени христіанскихъ писателей. Изъ нихъ св. Игнатій Богоносецъ, ученикъ апостольскій, весьма ясно и опредѣленно указываетъ на существованіе этихъ пѣсней и богослужебное употребленіе ихъ въ одномъ изъ своихъ посла-

[1]) Истор. обзор. пѣсн., стр. 16.

ній, говоря: «старайтесь, составляя лики, въ единеніи любви, воспѣвать отца въ Іисусѣ Христѣ» [1]). Не менѣе убѣдительно говорятъ о томъ же «Акты мучениковъ», въ которыхъ между прочимъ, сообщается о пѣніи вѣрными, по случаю кончины св. Игнатія, гимновъ -въ продолженіе нѣсколькихъ ночей. Эти свидѣтельства даютъ основаніе думать, что область христіанскаго пѣснопѣнія еще въ первомъ вѣкѣ далеко не ограничивалась ветхозавѣтными пѣснями, а представляла въ себѣ и пѣсни новозавѣтныя, притомъ не только въ честь Христа, но даже мучениковъ — героевъ христіанства. Какое важное значеніе имѣли первоначальныя христіанскія пѣсни въ богослуженіи первенствующихъ христіанъ—можно видѣть изъ того, что этою стороною обратили на себя вниманіе правителя—язычника, Плинія младшаго. который въ письмѣ къ Траяну, какъ характерную черту новаго религіознаго общества выставляетъ то, что члены его — «христіане собираются до разсвѣта, чтобы пѣть между собою пѣснь Христу, какъ Богу...» Степень употребленія христіанскихъ пѣсней и сила уваженія къ нимъ въ концѣ II вѣка возрасли до того, что ихъ можно было представлять непререкаемымъ выраженіемъ ученія церкви о божествѣ лица Іисуса Христа. Евсевій въ своей исторіи приводитъ письмо неизвѣстнаго лица, направленное противъ монархіанина Артемона, въ которомъ для подтвержденія истины почитанія Христа, какъ Бога, съ первыхъ поръ христіанства, признается непоколебимымъ то основаніе, что христіане съ самаго начала своего появленія прославляли его въ псалмахъ и пѣсняхъ, какъ Бога: «Сколько существуетъ псалмовъ и пѣсней, говорится въ этомъ письмѣ, которые *отъ начала* написаны вѣрующими и богословски воспѣваютъ Христа, какъ Божіе Слово» [2]). Такую же важность и силу для доказательства употребительности и особеннаго значенія въ первенствующей церкви христіанскихъ церковныхъ пѣсней имѣетъ извѣстное обстоятельство, о которомъ сообщаетъ тотъ же Евсевій въ своей исторіи. Въ приведен-

---

[1]) Посл. къ Римл., 2.

[2]) Письмо это обыкновенно приписывается пресвитеру Каю, ж. въ III в.

номъ имъ здѣсь посланіи епископовъ и пресвитеровъ Антіохійскаго собора къ Діонисію римскому говорится, что Павелъ Самосатскій (III в.) запретилъ въ своей (антіохійской) церкви древніе псалмы въ честь Іисуса Христа, которые употребляемы были въ церкви со времени св. Игнатія,—какъ новые (ὡς νεωτέροι καὶ νεωτέρων ἀνδρῶν συγγράμματα), но на самомъ дѣлѣ, какъ такіе, которые противорѣчили его монархіанскимъ заблужденіямъ [1]).

Достовѣрность существованія богослужебныхъ христіанскихъ пѣсней въ первые вѣка христіанства устанавливается, впрочемъ, не одними приведенными свидѣтельствами. Мы обладаемъ еще несомнѣнно вѣрнымъ ручательствомъ за нее, которое находимъ въ нѣкоторыхъ именахъ поэтовъ первыхъ вѣковъ христіанства. Правда, этихъ именъ очень немного, что объясняется, можетъ быть, характеромъ общенародности древнихъ церковно-поэтическихъ произведеній и импровизированіемъ ихъ во время богослуженія,—особенностями, весьма мало благопріятствовавшими сохраненію въ памяти именъ ихъ составителей; но и они, эти немногія имена, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о написаніи въ первые вѣка вѣрующими богословскихъ гимновъ, показываютъ, что въ средѣ первыхъ христіанъ были вдохновенные люди, которые обнаружили поэтическій даръ въ составленіи духовно-поэтическихъ произведеній, приспособленныхъ къ общенародному употребленію въ церкви, при богослуженіи.

Первымъ въ ряду извѣстныхъ именъ этихъ поэтовъ, кажется, нужно поставить имя св. Іустина мученика († 166 г.), которому Евсевій [2]) и Іеронимъ [3]) приписываютъ книгу, подъ именемъ «пѣвецъ» (ψάλτης), не дошедшую до насъ. Положимъ, что слово ψάλτης, прежде всего, — напоминаетъ намъ ψαλτήριον и указываетъ собственно только на собраніе ветхозавѣтныхъ псалмовъ. Но, какъ замѣчаетъ преосвященный Филаретъ [4]), уже то, что ψάλτης поставленъ въ ряду собствен-

[1]) Hist. E. VII, C. 30.
[2]) H. E. IV, 18.
[3]) De vir. Mustr.
[4]) Истор. обозр. пѣсн., стр. 43.

ныхъ сочиненій св. Іустина, а особенно то обстоятельство, что слово ψαλμός прилагалось не только къ псалмамъ псалтири въ первые вѣка, но обозначало всякую христіанскую пѣснь, составленную самими христіанами, — можетъ служить надежнымъ основаніемъ къ вѣроятному заключенію, что φάλτης—собраніе христіанскихъ пѣсней. Дѣйствительно, обозначеніе словомъ ψαλμὸς христіанской пѣсни было допускаемо христіанами первыхъ вѣковъ, притомъ съ особымъ намѣреніемъ, именно—во избѣжаніе употребленія слова ὕμνος, сдѣлавшагося для христіанъ ненавистнымъ вслѣдствіе приложенія его къ пѣснямъ въ честь боговъ языческихъ. И эту замѣну слова ὕμνος словомъ ψαλμὸς можно усматривать во всѣхъ почти писаніяхъ мужей апостольскихъ и апологетовъ, изъ которыхъ Августи [1]), въ данномъ отношеніи, указываетъ особенно на Іустина мученика.—Затѣмъ, съ большею опредѣленностью выступаетъ имя Непота, епископа Пентапольскаго (III в.), какъ христіанскаго поэта, составившаго «множество духовныхъ пѣснопѣній». Указаніе на духовно-поэтическую дѣятельность лица съ этимъ именемъ мы находимъ въ одномъ изъ сочиненій Діонисія Александрійскаго, направленномъ противъ хиліастическихъ заблужденій, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: «сколько ни одобряю и ни люблю я Непота за все прочее,— за вѣру и трудолюбіе, за его ревностное занятіе писаніемъ, за *множество духовныхъ пѣснопѣній,* которыми и донынѣ услаждаются многіе изъ братій..., но истина дороже всего» [2]). Болѣе того, что говорится здѣсь о Непотѣ, какъ составителѣ духовныхъ пѣснопѣній, за неимѣніемъ данныхъ, однако ничего нельзя сказать, такъ какъ отъ всей его поэтической личности осталось только одно имя.—Извѣстнѣе этихъ двухъ древне-христіанскихъ поэтовъ—Аѳиногенъ, какъ вдохновенный творецъ обыкновенно приписываемой ему хвалебно-благодарственной пѣсни — «Свѣте тихій». Хотя главное, такъ сказать, коренное свидѣтельство, относящееся къ поэтической дѣятельности Аѳиногена, не только не говоритъ въ

---

[1]) Denkwurdigk. V, 248.

[2]) Ap. Evseb., 171, 24.

пользу того, что имъ создана эта вдохновенная пѣснь, а напротивъ, скорѣе служитъ къ отрицанію такого мнѣнія,—тѣмъ не менѣе оно не оставляетъ сомнѣнія, что носитель этого имени принадлежитъ къ сонму древне-христіанскихъ пѣснопѣвцевъ. Свидѣтельство это, на основаніи превратнаго толкованія котораго пѣснь «Свѣте тихій» усвояется Аѳиногену [1]), находится въ книгѣ Василія Великаго — «о святомъ Духѣ». Въ немъ содержится указаніе на двѣ древне-духовныя пѣсни, именно,—на «Свѣте тихій», но какъ на пѣснь, принадлежащую неизвѣстному поэту, и на другую, какъ на пѣснь Аѳиногена, выражающую мысль о св. Духѣ. Вотъ слова св. Василія Великаго, свидѣтельствующія о неизвѣстности происхожденія древней богослужебной пѣсни — «Свѣте тихій»: «Отцы наши не хотѣли въ молчаніи принимать благодать вечерняго свѣта, но тотчасъ, какъ онъ наступалъ, приносили благодареніе. Хотя мы не можемъ утвердительно сказать, кто былъ творцемъ тѣхъ хваленій, которыя читаемъ во время свѣтильничныхъ; впрочемъ, народъ повторяетъ древній голосъ, и никому не представлялось еще, что хулу произносятъ, когда говорятъ: *поемъ Отца, Сына и святаго Духа*» [2]). Если послѣднія слова заимствованы изъ пѣсни «Свѣте тихій»,—въ чемъ едвали можно сомнѣваться,—и если происхожденіе ея въ свидѣтельствѣ св. Василія В. не связывается съ какимъ-либо опредѣленнымъ именемъ поэта, то—съ одной стороны—для отрицанія принадлежности этой пѣсни Аѳиногену,—съ другой—для признанія въ лицѣ его древне-христіанскаго поэта, создавшаго особый гимнъ, *сродный* съ тѣми хваленіями, о которыхъ говоритъ св. Василій, — имѣетъ силу дальнѣйшее сопоставленіе съ предъидущимъ, слѣдующихъ словъ того же Василія Великаго: «Еслибы кто зналъ и гимнъ Аѳиногена, который онъ, поспѣшая уже къ высшему дѣйствію, какое совершается чрезъ огонь, оставилъ предстоявшимъ, какъ сладостное привѣтствіе: тотъ узналъ бы и мысль мучениковъ о

---

[1]) Такъ, въ греческомъ часословѣ «Свѣте тихій» имѣетъ слѣдующую надпись: «Гимнъ св. Аѳиногена мученика, а не Софронія, патріарха Іерусалимскаго, какъ нѣкоторые несправедливо думаютъ; свидѣтель Василій».

[2]) О св. Духѣ, гл. 29.

Духѣ» [1]). Здѣсь пѣснь св. Аѳиногена, содержащая мысль о св. Духѣ, очевидно, представляется отличною отъ гимна «Свѣте тихій», происхожденіе котораго, какъ видно изъ предъидущаго свидѣтельства, тѣмъ же св. Василіемъ В. признается неизвѣстнымъ. Впрочемъ, еслибы можно было доказать, что творцомъ этого гимна былъ Аѳиногенъ, то это еще болѣе усилило бы основаніе, по которому онъ считается однимъ изъ древнѣйшихъ христіанскихъ церковныхъ поэтовъ.

Имена поэтовъ, дѣйствовавшихъ въ первые три вѣка христіанства, свидѣтельствуя о существованіи въ это время церковной поэзіи, отчасти даже о степени проявленія поэтической дѣятельности въ Церкви, почти вовсе не даютъ возможности характеризовать внутреннее состояніе богослужебной поэзіи въ первомъ періодѣ ея развитія. На основаніи приведенныхъ здѣсь свидѣтельствъ можно составить развѣ только нѣкоторое понятіе о самомъ общемъ содержаніи и характерѣ поэтическихъ твореній, принадлежащихъ лицамъ, носившимъ эти имена. Но они имѣютъ значеніе для характеристики этого предмета въ связи съ сохранявшимся отъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства памятниками богослужебно-поэтическаго творчества—извѣстными, сродными между собою по характеру, церковными пѣснями, изъ которыхъ, по указаніямъ авторитетныхъ изслѣдователей [2]), многія относятся даже ко времени апостольскому. Изъ пѣсней, несомнѣнно принадлежавшихъ богослужебному употребленію въ разсматриваемый періодъ нужно указать, какъ на болѣе важныя по своему значенію, на

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Такъ Мюнтеръ, Михаэлисъ, Гейманъ и др. во многихъ мѣстахъ новозавѣтныхъ книгъ находятъ отрывки духовныхъ пѣсней, какъ напр., 14 ст. V гл. посл. къ Ефес., послѣ словъ «посему сказано»:

Встань спящій,
И воскресни изъ мертвыхъ,
И освѣтитъ тебя Христосъ;

Или—во II Тим., II гл., 11 и 12 ст., послѣ словъ: «вѣрно слово»....

.... Если съ Нимъ умерли,
Съ Нимъ и оживемъ;
Если терпимъ,
То и царствовать будемъ съ Нимъ и т. д.; а также—1 Тимѳ. III, 16.

Или: Апокал. V, 9—10; VII, II; XI, 17; XV. 3—4 и др.

древнѣйшія церковныя пѣсни: «Слава въ вышнихъ Богу» и «Тебѣ подобаетъ пѣснь Богу» — въ высшей степени характерныя и по содержанію и способу выраженія мыслей. Къ послѣдней изъ этихъ хвалебныхъ церковныхъ пѣсней весьма тѣсно примыкаетъ столь же древняя и еще болѣе краткая пѣснь, извѣстная подъ именемъ «малаго славословія», — «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу». Она имѣетъ простую форму возгласа, какъ въ такъ называемыхъ доксологіяхъ св. ап. Павла (Рим. XI, 36; Ефес. III, 21 и т. п.) и представляетъ изъ себя самую первоначальную формулу прославленія Св. Троицы [1]). Глубокая древность и богослужебное назначеніе первыхъ двухъ пѣсней не подлежатъ сомнѣнію, такъ какъ онѣ проводятся въ Постановленіяхъ Апостольскихъ [2]); что же касается «малаго славословія», то о немъ свидѣтельствуютъ Св. Ириней [3]), и Тертулліанъ [4]), какъ о пѣсни общеупотребительной въ ихъ время, а св. Василій Великій [5]), въ доказательство того, что въ пѣсни этой прославляется Св. Троица, ссылается на употребленіе ея въ этомъ смыслѣ св. Климентомъ римскимъ, ученикомъ апостольскимъ, и др. Кромѣ этихъ хвалебныхъ пѣсней въ разсматриваемую группу памятниковъ богослужебно-поэтическаго творчества, безъ сомнѣнія, входитъ, какъ можно думать на основаніи данныхъ, представленныхъ выше, и «Вечерній Гимнъ» — «Свѣте Тихій».

Всѣ эти остатки богослужебной поэзіи, сохранившіеся отъ временъ священной древности, такъ извѣстны намъ, что излишне было бы входить въ подробное разсмотрѣніе ихъ содержанія и литургическаго значенія. Достаточно, кажется, ограничиться лишь опредѣленіемъ общаго характера ихъ, какъ первоначальныхъ церковно-поэтическихъ произведеній. Съ этой

---

[1]) Въ первые вѣка слововыраженіе въ ней было не одинаково. Такъ, извѣстны, напр., слѣдующіе варіанты: «Слава Отцу и св. Духу въ вѣчность»; «Слава Сыну со Отцемъ чрезъ Духа отъ вѣчности къ вѣчности». Окончательно установилась употребительная нынѣ формула только въ IV в. Aschbach. Allgem. Kirchen-Lexicon., T. II.

[2]) Lib. VII, c. 47—48.

[3]) Contr. haer., lib. 1.

[4]) De Spect., c. 25.

[5]) De Spir. S., c. 29.

стороны они представляются простымъ и естественнымъ проявленіемъ религіозно-поэтическаго творчества въ весьма сильномъ и вмѣстѣ краткомъ выраженіи чувства благоговѣнія предъ Богомъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ почти указанныя пѣсни состоятъ какъ бы изъ однихъ восклицаній и весьма близко подходятъ къ роду поэтическихъ произведеній безъискусственныхъ. Изъ нихъ только «Свѣте Тихій» имѣетъ въ себѣ черты художественности, которыя можно находить, напр., въ яркой образности представленія идеи—пришествія Іисуса Христа «въ исполненіи временъ», въ истинно изобразительномъ выраженіи впечатлѣнія, полученнаго человѣчествомъ отъ христіанства, которымъ оно поражено было, прежде всего, со стороны просвѣтительнаго вліянія на людей, въ лицѣ Виновника-Присносущнаго Свѣта; въ стройномъ, наконецъ, расположеніи мыслей. И нужно сказать, что, благодаря этимъ художественнымъ чертамъ, «Вечерній гимнъ» занимаетъ видное мѣсто въ ряду высоко-поэтическихъ произведеній греческой гимнографіи.

По художественному характеру и отчасти даже по аналогичному содержанію, къ «Вечернему гимну» близко стоитъ «Гимнъ Христу Спасителю», которымъ заканчивается III книга «Педагога», Климента Александрійскаго. Произведеніе это можетъ быть отнесено къ области богослужебной поэзіи разсматриваемаго періода — по слѣдующимъ соображеніямъ. Ему предшествуетъ въ указанномъ сочиненіи молитва, которая при жизни Климента была, какъ можно думать, въ церковно-богослужебномъ употребленіи. Для насъ молитва, помѣщенная въ «Педагогѣ» предъ «Гимномъ», не настолько важна сама по себѣ, чтобы останавливаться на рѣшеніи вопроса, возбуждаемаго ею въ изслѣдователяхъ, — о томъ, составлена она авторомъ Педагога, или же заимствована изъ числа молитвъ, употреблявшихся при церковномъ богослуженіи въ его время Но рѣшеніе вопроса о происхожденіи этой молитвы является совершенно необходимымъ по неразрывной связи его съ вопросомъ о богослужебномъ употребленіи «Гимна Христу Спасителю». Это потому, что разсматриваемая заключительная часть Педагога служитъ какъ бы вступленіемъ къ «Гимну»;

значитъ, установленіемъ взгляда на предшествующую ему молитву, какъ на имѣвшую богослужебное значеніе, обусловливается рѣшеніе вопроса о богослужебномъ употребленіи и «Гимна». Вникая теперь въ связь между тою и другимъ, мы находимъ, что въ пользу богослужебнаго употребленія молитвы, помѣщенной предъ «Гимномъ», а вмѣстѣ и того, что этотъ Гимнъ, какъ и молитва, внесенъ Климентомъ изъ Церкви—неоспоримо—говоритъ переходъ отъ первой къ послѣднему, заключающійся въ слѣдующихъ многозначительныхъ словахъ: «Поелику Наставникъ ввелъ насъ въ Церковь (εἰς τήν ἐκκλησίαν—богослужебное собраніе) и соединилъ насъ съ Собою — словомъ, которое учитъ, надъ всѣмъ надзираетъ, — то *прилично* намъ *здѣсь* вознести хвалу и благодареніе Господу, достойныя Его попечительности». Что Климентъ только внесъ «Гимнъ Христу Спасителю» въ свое сочиненіе, какъ извѣстный и употреблявшійся въ современной ему практикѣ, а не самъ составилъ его, — такъ основаніемъ этому заключенію можетъ служить и то, что въ началѣ слѣдующей за нимъ молитвы къ Педагогу отъ лица автора (Климента) сочиненія, которое носитъ это названіе, содержится такое воззваніе: «*И я* Тебѣ, добрый Наставникъ, *приношу* вѣнецъ молитвъ». Здѣсь, въ этомъ воззваніи, личность автора молитвы, заключающей собою «Гимнъ Христу», очевидно, ясно противополагается, такъ сказать, коллективной личности, чувства которой выражаются въ самомъ «Гимнѣ».—Впрочемъ, если бы даже мы предположили, что «Гимнъ» «Педагога» составленъ самимъ Климентомъ, то все-таки должны признать и богослужебный характеръ и назначеніе его для церковнаго употребленія, которые видны изъ того, что авторъ находитъ *приличнымъ* «вознести хвалу», содержащуюся въ немъ, въ Церкви.

Содержаніе этого богослужебно-поэтическаго произведенія можно выразить въ слѣдующихъ общихъ чертахъ: подъ символическими образами Пастыря, Кормчаго, Свѣта, Пути и т. п., въ немъ прославляется величіе, сила и «попечительность» Іисуса Христа въ отношеніи къ вѣрующимъ—ангцамъ, птенцамъ, рыбамъ, дѣтямъ Его, которые, въ надеждѣ на Его благость, ищутъ со всею теплотою дѣтскаго чувства, съ дѣтской нѣж-

ностью Его покровительства, водительства. Особенно характерна послѣдняя строфа, наполненная самыми нѣжными изліяніями сердца, тронутаго представленіемъ близости къ Учителю, -чувствами, которыя трудно передать простымъ прозаическимъ языкомъ. «Небесное млеко,—говорится здѣсь,—изъ сладкихъ сосцовъ Дѣвы благодатной -Мудрости Твоей источенное! Мы Твои дѣти! Нѣжными устами вскормленные, нѣжнымъ дыханіемъ материнской груди исполненные, пѣсни простыя, гимны невинные Христу-Царю въ награду святую за ученіе жизни поемъ всѣ вмѣстѣ,—поемъ просто Отрока державнаго». И вся эта пѣснь, проникнутая такою нѣжностью и задушевностью, представляетъ выраженіе сильныхъ и живыхъ порывовъ христіанской души къ Спасителю подъ вліяніемъ сознанія близости къ Нему. Въ «Гимнѣ Христу Спасителю», поэтому, можно видѣть яркое и живое отраженіе впечатлѣнія отъ христіанства, или, точнѣе дѣйствія, произведеннаго послѣднимъ на христіанъ первыхъ вѣковъ представителей обновленнаго человѣчества. Такимъ образомъ, и этотъ «Гимнъ», подобно «Гимну вечернему» является звучнымъ отголоскомъ одного общаго религіознаго настроенія, въ какомъ находились христіане первой эпохи христіанства. Кромѣ того, по нему съ достаточнымъ основаніемъ можно заключать о степени развитія вкуса, по отношенію къ религіозной поэзіи, у александрійскихъ христіанъ къ стройному, художественному выраженію религіознаго чувства въ гармоничныхъ стихахъ, каковы стихи «Гимна Христу Спасителю», состоящіе изъ анапестовъ, спондеевъ и отчасти дактиловъ, столь привычныхъ слуху грека.

Представленными прямыми и положительными данными относительно состоянія церковной поэзіи перваго періода развитія, еще не исчерпывается все, служащее къ характеристикѣ его. Кромѣ разсмотрѣнныхъ свѣдѣній о первоначальномъ греческомъ церковномъ пѣснопѣніи, а также памятниковъ его, мы имѣемъ нѣкоторыя, такъ сказать, побочныя данныя—свидѣтельства и памятники, которые косвенно указываютъ на существованіе и употребительность, отчасти даже на внѣшній и внутренній характеръ православныхъ греческихъ богослужебныхъ пѣснопѣ-

ній первыхъ вѣковъ. Таково, наприм., сказаніе Филона о жизни ѳерапевтовъ, находящееся во II кн. исторіи Церкви Евсевія, въ которомъ, между прочимъ, описываются богослужебные обычаи, заимствованные ими, по замѣчанію историка [1]), отъ христіанъ. Въ этомъ изображеніи жизни ѳерапевтовъ встрѣчается весьма важное для насъ свидѣтельство, что «они не только занимаются созерцаніемъ, но и составляютъ пѣсни и гимны во славу Божію, въ разныхъ размѣрахъ и напѣвахъ». Обращаясь къ подробностямъ, разсматриваемаго сказанія, касающимся пѣснопѣнія ѳерапевтовъ, и поставляя ихъ въ связь съ христіанскими свидѣтельствами о пѣснопѣніи древней Церкви, можно, пожалуй, согласиться, что они косвенно характеризуютъ послѣднее. Вотъ какъ представляется въ сказаніи пѣснопѣніе ѳерапевтовъ: «Вставши предъ собраніемъ, онъ (начальникъ хора) первый поетъ гимнъ во славу Бога, составленный имъ самимъ или заимствованный у древнихъ поэтовъ. Когда начинаетъ начальникъ, всѣ слушаютъ съ глубокимъ вниманіемъ и не возвышаютъ голоса даже въ концѣ гимна. Потомъ поютъ гимны въ честь Бога, составленные различными метрами и стихами, сперва обыкновеннымъ тономъ, потомъ выше» etc. Не принимая всего этого за обычаи христіанъ перваго вѣка всецѣло, какъ напримѣръ, пѣнія гимновъ, принадлежащихъ древнимъ поэтамъ, нельзя, кажется, удержаться отъ весьма вѣроятнаго заключенія, что нѣкоторыя черты изъ сказаннаго здѣсь относятся къ пѣснопѣнію первенствующихъ христіанъ, какъ—обычай употребленія древнихъ гимновъ—ветхозавѣтныхъ и особенно обычай импровизировать новыя пѣсни во время богослужебныхъ собраній.

Еще опредѣленнѣе знакомитъ насъ съ первоначальнымъ греческимъ богослужебнымъ пѣснопѣніемъ и имѣетъ болѣе важное, потому, значеніе для характеристики его—извѣстный памятникъ христіанской древности, представляющій изъ себя образецъ древне-христіанскаго религіозно-поэтическаго произведенія,—«Пиръ десяти дѣвъ», приписываемый Св. Меѳодію Тирскому. Въ цѣломъ—это произведеніе и по содержанію

---

[1]) H. E., L. II, c. XVII.

и по характеру можно назвать прототипомъ религіозно-христіанской аллегорической драмы, получившей впослѣдствіи названіе «аутоса». Дѣйствительно, «Пиръ десяти дѣвъ» имѣетъ видъ драмы, или, точнѣе, діалога, при чемъ дѣйствующія лица и вся обстановка дѣйствія имѣютъ аллегорическій смыслъ. (Садъ, обращенный на Востокъ, наполненный благоуханіями, съ фонтанами, разливающими живую воду по каналамъ и питающими ею растенія—Церковь, въ которой обитаютъ добродѣтели—Арета, Агапія, Θекла и др.). Для насъ этотъ памятникъ древне-христіанской поэзіи особенно важенъ потому, что въ немъ драма-діалогъ заканчивается «Пѣснью Дѣвъ Христу Богу», состоящею изъ 24 частей—стиховъ, съ такимъ же количествомъ припѣвовъ. По характеру содержанія, особенно по тону восторженно-хвалебному, а также по внѣшнему виду—членораздѣльному, 24 частному составу—пѣснь эта напоминаетъ собою акаѳистъ и является какъ бы одною изъ первоначальныхъ формъ его. По связи съ діалогомъ, каждый стихъ ея, представляя отдѣльную пѣснь, влагается въ уста одной изъ дѣвъ, а припѣвы—всего лика дѣвъ. Вотъ для примѣра нѣкорые изъ стиховъ—пѣсней съ припѣвомъ:

«Свыше, о, дѣвы, раздается гласъ», постъ одна изъ дѣвъ, «пробуждающій мертвыхъ. Онъ велитъ всѣмъ вмѣстѣ идти, въ блистательныхъ одеждахъ и со свѣтильниками. на срѣтеніе Жениху, къ Востоку. Встаньте, чтобы предупредить приходъ Царя въ дверяхъ». Припѣвъ: «Невѣста,я сохраняю себя чистою для Тебя и, держа свѣтозарный свѣтильникъ, встрѣчаю Тебя Женихъ». Пѣснь одной дѣвы: «Омывающій толпы людей въ водахъ чистительныхъ Предтеча Твой, за любовь къ чистотѣ, доведенъ до смерти беззаконникомъ; но, окропляя землю кровію, взывалъ предъ Тобою, блаженный»... Пѣснь одной дѣвы: «Твоя родительница жизни, благодатная, недоступная, непорочная дѣва, нося въ безсѣменномъ чревѣ плодъ чистый, подпала подозрѣнію въ невѣрности; но къ Тебѣ, блаженный, взывала Она»; припѣвъ: «Тебѣ посвящаю себя чистою» и пр. Послѣдняя пѣснь: «О, блаженный, живущій въ чистыхъ селеніяхъ небесныхъ, все содержащій вѣчною Силою, вотъ мы предстоимъ предъ Тобою: прими насъ, Отче, съ Сыномъ Твоимъ въ двери жизни вѣчной».

Удерживаясь пока отъ вѣроятнаго заключенія о церковномъ употребленіи разсматриваемыхъ пѣсней, какъ бы внесенныхъ въ «Пиръ X Дѣвъ» уже готовыми, можно однако допустить, что эти столь стройныя христіанскія пѣсни составлены по извѣстнымъ, подобнымъ имъ, богослужебнымъ образцамъ, которыхъ, къ сожалѣнію, христіанская древность не сохранила для насъ. Если признать это за достовѣрное, то по представленнымъ образцамъ пѣсней св. Меѳодія можно судить о подобнаго рода пѣсняхъ греческой церкви времени около III в. Во всякомъ случаѣ, замѣчательно то, что эти пѣсни по формѣ и по характеру представляются сходными съ пѣснопѣніями указанной выше формы, явившимися въ богослужебномъ употребленіи греческой церкви въ сравнительно позднѣйшее время (VII в.). Поэтому, въ вопросѣ о происхожденіи родовъ и формъ церковныхъ пѣснопѣній греческой церкви «пѣсни Дѣвъ» «Пира» имѣютъ несомнѣнно важное значеніе.

Наконецъ, важнымъ памятникомъ, по которому приблизительно можно судить о значительномъ развитіи пѣснопѣнія греческой церкви первыхъ вѣковъ, представляется цѣлая совокупность богослужебно-поэтическихъ произведеній-гностическихъ. Взвѣсить важность и значеніе данныхъ относительно гностической гимнографіи для общей характеристики пѣснопѣнія православнаго въ періодъ его первоначальнаго развитія не трудно. Нужно только взять во вниманіе то весьма важное обстоятельство, что гностицизмъ носитъ на себѣ печать несомнѣннаго заимствованія отъ христіанства, между прочимъ, богослужебныхъ элементовъ,—чтобы видѣть болѣе или менѣе полное отраженіе въ гимнографіи его господствовавшихъ формъ первоначальной православно-христіанской гимнографіи, при помощи которыхъ гностики первыхъ вѣковъ старались проводить воззрѣнія своихъ доктринъ. Если такъ, то оставить безъ разсмотрѣнія гностическую гимнографію— значитъ допустить очевидный пробѣлъ въ общемъ изображеніи состоянія православно-христіанскаго пѣснопѣнія перваго періода.

Насколько заняты были гностики даннаго времени гимнографіей, и какъ велико количество гимновъ, составленныхъ ими, это можно видѣть изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ о

нихъ и частію остатковъ ихъ. Одинъ изъ характерныхъ образчиковъ религіозно-поэтическаго творчества гностиковъ открывается намъ въ «Пѣсни» Офитовъ, сохранившейся въ сочиненіяхъ Оригена [1]). Она состоитъ изъ семи строфъ съ такимъ же количествомъ припѣвовъ. О строѣ и характерѣ этой пѣсни можно судить по слѣдующей, напримѣръ, строфѣ съ припѣвомъ къ ней: «Привѣтствую Тебя, единаго царя, узы мрака, первую силу, сохраненную духомъ провидѣнія и мудростью; потомъ остаюсь чистымъ, причастнымъ Сыну и Отцу и такъ, благодать да будетъ со мною, Отче, да будетъ со мною» [2]). Въ книгѣ «Адамъ», изданной Норбергомъ, есть подобный гимнъ съ припѣвомъ, три другихъ пѣсни съ строфами, расположенными въ алфавитномъ порядкѣ, три гимна о блаженныхъ ангелахъ свѣта, о вѣстникѣ непорочномъ и т. п. Далѣе, между достопримѣчательностями въ φιλοσοφουμενα [3]), остающимися еще неизслѣдованными, есть гимны Ѳомы къ Маріи, приписываемые Наассеніанамъ. Потомъ, Климентъ Александр. и Тертулліанъ говорятъ о псалмахъ Валентина [4]). Къ этой группѣ принадлежатъ восемнадцать псалмовъ Соломона, изданныхъ Ла-Цердою [5]) Августинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ передаетъ интересный отрывокъ изъ апокрифическаго гимна, который былъ въ употребленіи у Прискилліанъ и Творцемъ котораго они признавали Самого Іисуса Христа. Наконецъ, извѣстны, по упоминанію ихъ писателями первыхъ вѣковъ христіанства и отчасти по отрывкамъ, нѣкоторые изъ гимновъ: Василида, Вардесана [6]), Манеса и Маркіона [7]).

При взглядѣ на гностическую гимнографію, въ ней замѣ-

---

[1]) Contra Cels., Lib. VI, p. 31.

[2]) Легко замѣтить, что приведенная строфа по своему внутреннему строенію весьма близко подходитъ къ строфамъ «Пѣсни Дѣвъ». Сходство это, при близости одной пѣсни къ другой по времени появленія, конечно, нельзя считать случайнымъ. Естественнѣе предположить, что форма построенія той и другой пѣсни была уже готовою, употребительною въ религіозной поэзіи первыхъ вѣковъ христіанства, а отсюда въ богослужебной поэзіи греческой церкви.

[3]) P. 182.

[4]) Strom. II, III. De Carn Chr. 17. 20.

[5]) Münter. Die älteste Chr. poes.

[6]) Sosom. III, c. XVI.

[7]) Evseb. H. E., IV, c. VII; Clem. Alex. Strom. III, p. 1106.

чается та, особенно выдающаяся и весьма важная для характеристики формъ христіанскаго пѣснопѣнія общая черта, что всѣ пѣснопѣнія, входящія въ составъ ея являются въ одной формѣ—гимна, который, въ большинствѣ изъ нихъ, для сближенія съ христіанскими богослужебными пѣснями, называется псалмомъ. И съ этой стороны гностическая гимнологія, какъ увидимъ ниже, близко соприкасается съ православно-христіанскою. Само собою понятно, что сходство ихъ относится только къ общей формѣ.

Собранныя въ этомъ обзорѣ состоянія богослужебной поэзіи въ первые три вѣка данныя позволяютъ заключать о сравнительно значительномъ развитіи ея. Это, конечно, слишкомъ общій взглядъ, который требуетъ болѣе или менѣе подробнаго раскрытія. Чтобы не растеряться въ частностяхъ, которыя, при томъ, оказываются мѣстами не совсѣмъ точными и, пожалуй, сбивчивыми, постараемся обобщить ихъ и какъ бы въ выводѣ представить общую характеристику основнаго типа греческаго пѣснопѣнія перваго періода его развитія.

Самая главная черта, составляющая отличительную особенность первой ступени развитія греческой церковной гимнографіи, прежде всего останавливающая на себѣ вниманіе изслѣдователя та, что всѣ почти произведенія ея, какъ по содержанію, такъ и по характеру своему, суть хвалебныя пѣсни, преимущественно--славословія. Съ этою особенностью содержанія въ нихъ соединяются, хотя не во всѣхъ, столь близкіе между собою элементы, какъ благодареніе и прошеніе -- въ благодарственныхъ и молитвенно-просительныхъ обращеніяхъ. Все это содержаніе воспроизводится въ употребительнѣйшей богослужебно-поэтической формѣ первыхъ вѣковъ—гимна, псалма.

Главнымъ и общимъ предметомъ прославленія въ гимнахъ этого періода является Богъ во святой Троицѣ. Но всего болѣе вдохновеніе церковныхъ поэтовъ возбуждалось созерцаніемъ божественнаго Искупителя, представленіемъ Его великаго, необъятнаго дѣла спасенія рода человѣческаго. Пѣсни, являвшіяся плодомъ этого вдохновенія,-- суть изліянія глубокаго благоговѣнія, соединеннаго съ благодарностью къ Воплотившемуся Богу—Искупителю. Еще св. ап. Павелъ запо-

вѣдалъ, чтобы всѣ пѣснопѣнія христіанъ проникнуты были мыслію о Христѣ. Св. Игнатій Богоносецъ увѣщеваетъ воспѣвать Отца въ Сынѣ. Плиній младшій свидѣтельствуетъ, что христіане «поютъ пѣснь Христу, какъ Богу». Особенно Кай своимъ указаніемъ на пѣсни θεολογούντες даетъ понять, какъ часто Іисусъ Христосъ былъ предметомъ благоговѣйнаго прославленія въ пѣсняхъ церковныхъ. Значеніе этихъ хвалебныхъ пѣсней въ первые вѣка, именно около III в., возросло до того, что онѣ стали служить родомъ символическаго выраженія живой вѣры въ божественное достоинство Искупителя для людей, посвященныхъ въ тайны христіанства. И нужно ли, при этомъ, доказывать, какъ естественно было религіозно-поэтическому творчеству сосредоточиваться въ то время на этомъ предметѣ—подъ вліяніемъ постоянно живыхъ впечатлѣній принятія новой вѣры—религіи, Основатель которой—Іисусъ Христосъ — съ одной стороны, съ другой — въ виду мучительной борьбы за Христа съ язычествомъ, а также борьбы съ ересями. Въ этихъ обстоятельствахъ и нужно, кажется, искать причины, почему форма гимна—псалма, унаслѣдованная отъ ветхозавѣтной церкви, какъ самая общая является господствующею, даже болѣе- почти исключительною въ первые три вѣка, между тѣмъ, какъ другія частныя формы, съ выраженіемъ частныхъ сторонъ христіанства – какъ онѣ (формы) сложились въ позднѣйшее время—являются теперь только въ самомъ зачаточномъ видѣ, на что мы находимъ, впрочемъ, слишкомъ отдаленные и темные намеки. Въ особенности—эта наиболѣе доступная и выработанная форма (гимна) могла быть удобною и пригодною для выраженія, такъ сказать, символическаго содержанія, для того, чтобы твердо запечатлѣть основныя истины вѣры Христовой и имѣть въ произведеніяхъ этой формы оплотъ при противодѣйствіи неправославному ученію. Это символическо-полемическое значеніе гимновъ, такъ называемыхъ θεολογούντες опредѣленно выразилось въ извѣстномъ дѣлѣ Павла Самосатскаго. Впрочемъ, полемическое направленіе богослужебной поэзіи въ первые три вѣка еще не получило развитія, было слишкомъ частнымъ, случайнымъ, притомъ болѣе пассивнымъ, чѣмъ активнымъ. Открытое противодѣйствіе

неправославному ученію въ богослужебныхъ пѣсняхъ, прямое полемико-дидактическое направленіе богослужебной поэзіи является во всей силѣ уже въ IV знаменитомъ вѣкѣ христіанства.

II.

Въ IV вѣкѣ, съ торжествомъ христіанства надъ язычествомъ, въ Церкви греческой началось движеніе, которое мало-по-малу должно было обнять всѣ ея стороны. По мѣрѣ того, какъ содержаніе христіанской религіи, въ основныхъ, существенныхъ чертахъ, получало опредѣленное, вполнѣ устойчивое выраженіе, начинало раскрываться и формулироваться,—внѣшняя сторона ея—богослуженіе, перенесенное изъ душныхъ и мрачныхъ катакомбъ и другихъ сокровенныхъ мѣстъ въ великолѣпные, изящно украшенные храмы, естественно, стало принимать болѣе опредѣленныя, стройныя, соотвѣтствующія неисчерпаемому обилію внутренняго содержанія христіанства, формы. Величіе и торжественность общественнаго богослуженія, соотвѣтствовавшія тогдашнему состоянію Церкви, при этомъ, ближайшимъ образомъ, конечно, должны были обусловливаться процвѣтаніемъ лирической стороны его—пѣснопѣнія, одной изъ существенно-важныхъ составныхъ частей всякаго богослуженія. Дѣйствительно, искусство, призванное къ услугамъ церкви въ это время уступило весьма видное мѣсто поэзіи. Богослужебная поэзія въ IV вѣкѣ, съ котораго начинается періодъ ея процвѣтанія, получила новый полетъ въ своемъ развитіи, благодаря стараніямъ предстоятелей Церкви, способствовавшихъ ея успѣху въ новомъ направленіи.

Разсматриваемое со стороны благоустройства и благолѣпія, соотвѣтствовавшаго требованіямъ вкуса современнаго христіанскаго общества, богослуженіе IV вѣка представляетъ весьма важныя преобразованія, касающіяся построенія и расположенія главнѣйшаго вида его—литургіи. Они произведены какъ извѣстно знаменитыми предстоятелями греческой церкви—св. Василіемъ Великимъ и св. Іоанномъ Златоустомъ и состоятъ въ измѣненіи объема древней литургіи, именно—въ сокращеніи, по которому ихъ литургіи представляютъ двѣ

редакціи ея. Дѣло въ томъ, что составъ литургіи, сначала простой, къ IV вѣку весьма усложнился внесеніемъ въ нее многихъ длинныхъ молитвъ. Этихъ молитвъ, благодаря риторической производительности предстоятелей, пользовавшихся правомъ произносить свои импровизированныя молитвы, накопилось столько, что почти вся древняя литургія, какъ напримѣръ, приведенная въ VIII кн. Постановленій апостольскихъ. представляла длинный рядъ молитвъ. Само собою понятно, что, при такомъ однообразіи состава литургіи, она имѣла монотонный характеръ, утомляла вниманіе предстоящихъ и нуждалась въ сообщеніи ей разнообразія и гармоніи. Этимъ требованіямъ почти единовременно задались удовлетворить, особенно въ виду того, что продолжительностью литургіи тяготился народъ [1]), чуткіе къ духовнымъ нуждамъ его, просвѣщеннѣйшіе пастыри. Св. Василій Великій въ одномъ изъ своихъ сочиненій очень ясно выразилъ мысль, которая руководила его при этомъ, мысль—что «при однообразіи душа скучаетъ и разсѣявается, и, напротивъ, когда чтеніе и псалмопѣніе перемѣняются и разнообразятся, тогда жаръ ея усиливается и возобновляется» [2]). Дѣйствительно, разнообразіе и стройность литургіи въ редакціяхъ Василія Великаго и Іоанна Златоуста опредѣляются соразмѣрностью частей и частою смѣною священныхъ дѣйствій. Строго говоря, литургіи Василія Великаго и Златоуста представляютъ возвратъ къ прототипу ихъ — литургіи апостольской, особенно относительно пѣснопѣній, которыя, судя по нѣкоторымъ указаніямъ [3]), остались тѣ-же, что и въ послѣдней, съ прибавленіемъ одной только, не встрѣчающейся въ ней, краткой и вмѣстѣ многосодержательной пѣсни: «Тебе поемъ, Тебе благодаримъ, Господи, и молимся Тебѣ» [4]).

Такимъ образомъ, измѣненіе вида литургіи въ IV вѣкѣ соединено было съ удовлетвореніемъ, между прочимъ, требованію времени — дать надлежащее, болѣе видное мѣсто въ

---

[1]) Procli. De liturg.

[2]) Op. s. Bos. t. IV, p. 226.

[3]) Полнаго описанія литургіи Василія Вел. не осталось.

[4]) I. Злат. Бесѣд. на Мѳ. 25.

богосуженіи пѣнію и вмѣстѣ съ этимъ, вообще, лирической сторонѣ его. И св. Златоустъ, какъ извѣстно, проявлялъ особую заботливость о стройномъ церковномъ пѣніи, что видно, напримѣръ, изъ устроенія имъ правильно организованнаго хора пѣвчихъ, съ хороначальникомъ во главѣ. Устроеніе пѣнія въ церкви, по близкой, родственной связи его съ поэзіею, естественно, должно было способствовать развитію и этой области. Это не замедлило обнаружиться въ ближайшемъ времени. По свидѣтельству Созомена, нѣкоторые пѣвцы были вмѣстѣ и составителями новыхъ церковныхъ пѣсней. Такъ, придворный учитель пѣнія, заправлявшій Константинопольскимъ церковнымъ хоромъ слагалъ новыя пѣснопѣнія [1]). Самъ Іоаннъ Златоустъ, столь занятый возвышеніемъ пѣснопѣнія Церковнаго, составлялъ текстъ для пѣнія и былъ творцомъ пѣсней въ новомъ родѣ. Эти новыя пѣсни, предназначенныя для «всенощнаго бдѣнія» и введенныя самимъ Златоустомъ въ богослужебное употребленіе, извѣстны были подъ именемъ *тропарей* [2]). На основаніи всего этого, а также принимая, во вниманіе упоминанія Златоуста въ его Бесѣдахъ объ «утреннихъ и вечернихъ гимнахъ» и объ «утреннихъ гимнахъ» современника его, Епифанія, какъ вновь составленныхъ, можно, кажется, съ увѣренностью утверждать, что число богослужебныхъ пѣсней въ греческой церкви IV вѣка значительно увеличилось.

Еще прежде, правда, чѣмъ возвысилось пѣснопѣніе въ Церкви Константинопольской, въ другомъ центрѣ христіанскаго греческаго просвѣщенія, въ Александріи, обращено было особенное вниманіе на эту сторону богослуженія, обнаружено стремленіе къ усовершенствованію ея. И здѣсь начато было тоже съ улучшенія церковнаго пѣнія. Такъ, положительно извѣстно, что св. Аѳанасій Александрійскій прилагалъ самыя дѣятельныя усилія къ благоустройству богослужебнаго пѣнія, и усилія эти, по свидѣтельству Августина [3]), увѣнчались пол-

---

[1]) Созом., кн. II, гл. 8.
[2]) Goar. Euchol., p. 35.
[3]) Conf. lib. X, c. 34.

нымъ успѣхомъ. И здѣсь, какъ въ Константинополѣ, весьма естественно, опять, было улучшенію пѣнія благотворно отразиться на гимнографіи. Къ сожалѣнію, мы такъ бѣдны данными относительно александрійской гимнографіи IV вѣка, что трудно сказать о ней что-либо болѣе или менѣе положительное и опредѣленное. На основаніи только нѣкоторыхъ отрывочныхъ указаній можно заключать, что она обогатилась новыми пѣснопѣніями, приспособленными къ разнымъ временамъ дня и года. Такъ, св. Аѳанасій въ одномъ изъ сочиненій о дѣвствѣ требуетъ, чтобы дѣвственницы утренніе часы посвящали молитвѣ, пѣнію псалмовъ и пѣсней. Ѳеофилъ Александрійскій говоритъ, что при св. Аѳанасіи пѣли гимны во славу воскресшаго Господа [1]). При этомъ указаніи имѣетъ также особую силу свидѣтельство Аѳанасія Александрійскаго, по которому съ достаточнымъ основаніемъ можно заключать объ употребленіи особыхъ пѣсней въ Александрійской церкви, предназначенныхъ для поста, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста: «шествуя къ ней (пасхѣ), начнемъ постъ псалмами и пѣснями духовными» [2]).

Помимо обыкновенныхъ условій историческаго процесса развитія, усовершенствованію поэтической стороны богослуженія въ IV вѣкѣ способствовало случайное обстоятельство—необходимость противодѣйствовать путемъ пѣснопѣній пропагандѣ еретическаго ученія. Оно же, какъ легко понять, было виною того, что богослужебной поэзіи этого времени усвоенъ былъ чуждый ей элементъ—полемико-дидактическій. Дѣло въ томъ, что еретики IV вѣка сумѣли какъ нельзя болѣе воспользоваться движеніемъ, возбужденнымъ въ массѣ богословскими вопросами того времени, чтобы склонить ее къ рѣшенію, согласному съ ихъ лжеученіемъ. Средство избрано было самое дѣйствительное для грека — поэта въ душѣ,— это облеченіе сухихъ, отвлеченныхъ разсужденій въ изящную и живую поэтическую форму—пѣснопѣнія. Поэзія была для грека жизненною потребностью; поэтому, не уди-

---

[1]) Biblioth. P., t. VI, 849.

[2]) Migne. Patr., XXVI, 1443.

вительно, что эти новыя, художественныя по своей внѣшней формѣ, пѣсни имѣли самое обаятельное дѣйствіе на него. Возможность дѣйствовать на народъ религіозными пѣснями съ отвлеченнымъ, чисто прозаическимъ содержаніемъ, благодаря сообщенію ему увлекательной поэтической формы, обусловливалась, между прочимъ, тѣмъ еще обстоятельствомъ, что въ греческой поэзіи этого времени господствовало дидактическое направленіе, которое особенно усилилось въ аѳинской школѣ. Не рѣдкостью было въ свѣтской литературѣ того времени появленіе цѣлыхъ научныхъ трактатовъ въ стихахъ, съ содержаніемъ, относящимся, напримѣръ, къ области промышленности [1]). Поэтому, не было чѣмъ нибудь необыкновеннымъ приложеніе этого направленія къ религіозной области [2]), въ частности—къ области богослуженія, богослужебной поэзіи. Виновникомъ внесенія въ послѣднюю дидактическаго содержанія является ересеархъ—Арій, первый еретическій пѣснописецъ IV вѣка. Для проведенія въ массу народа своего лжеученія онъ написалъ звучными, изящными стихами множество духовныхъ пѣсней, соединивъ ихъ въ сборникѣ подъ названіемъ Ѳаліи (Θαλὲια—пиршество) и, по свидѣтельству Филосторгія [3]), назначивъ ихъ для богослужебнаго употребленія. Подобно ему, Аполлинарій составилъ сборникъ духовныхъ же пѣсней, подъ именемъ Новой Псалтири (ψαλτήριον καινὸν), въ стихахъ, заключающихъ въ себѣ изложеніе своего лжеученія. Это собраніе духовныхъ пѣснопѣній пользовалось особенныхъ уваженіемъ и было въ большомъ употребленіи, по свидѣтельству Григорія Назіонзенскаго [4]), который въ насмѣшку назвалъ его «Третьимъ Завѣтомъ аполлинаристовъ». Македоняне, наконецъ, также переложили въ стихи Новый Завѣтъ, съ соотвѣтствующими ихъ лжеученію искаженіями.

Успѣхъ пропаганды еретическихъ мнѣній въ стихотворныхъ

---

[1]) Такъ, Оппіонъ въ стихахъ описалъ нѣкоторые роды рыбъ, ихъ свойства и ловлю.

[2]) Св. Григорій Назіонзенъ, воспитанникъ Аѳинской школы, написанъ стихотвореніе «о каноническихъ и неканоническихъ книгахъ Св. Писанія».

[3]) H. E., lib. II, c. 2.

[4]) Greg. Nasions. op. T. 1, p. 175.

пѣснопѣніяхъ принялъ такіе внушительные размѣры, что вызвалъ предстоятелей Церкви къ изысканію средствъ для противодѣйствія ему. Особенно сильнымъ и угрожающимъ чистотѣ православнаго ученія было вліяніе пѣснопѣнія Аріанскаго, которое такъ увлекало правовѣрныхъ, что, во избѣжаніе соблазна, нужно было православновному правительству запретить богослуженіе аріанъ въ самомъ Константинополѣ, съ дозволеніемъ однако совершать его за городомъ. Лишившись храмовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возможности отправлять богослуженіе въ нихъ по установившимся чинопослѣдованіямъ, аріане, естественно, еще съ большимъ рвеніемъ начали отдаваться пѣснопѣнію, какъ богослужебному дѣйствію, болѣе другихъ удобному для открытыхъ мѣстъ и наиболѣе соотвѣтствовавшему ихъ цѣли—привлечь вниманіе православныхъ,—ставшему, потому, существенною, чуть-ли не единственною частью аріанскаго богослуженія. Вотъ что разсказываетъ Созоменъ о богослуженіи приверженцевъ аріанской ереси того времени, когда закрыты были ихъ храмы:... «они сходились ночью въ народные портики; раздѣлившись на лики, пѣли пѣсни на два хора, припѣвы же приспособляли къ своему ученію, а поутру, возглашая ихъ всенародно, отходили въ назначенныя мѣста и тамъ устрояли церковныя собранія. Такъ поступали они во всѣ значительные праздники, равно какъ въ первый и послѣдній день седьмицы и въ заключеніе (богослужебныхъ собраній) допускали оскорбительные (для православныхъ) стихи: «гдѣ говорящіе, что три суть одна сила? вносили въ *свои пѣсни* и другое подобное» [1]).

Съ закрытіемъ аріанскихъ храмовъ, богослуженіе аріанъ, въ видѣ пѣснопѣнія, а вмѣстѣ и лжеученіе, получило еще болѣе популярности, такъ что чрезъ нѣсколько времени оно совершенно почти овладѣло вниманіемъ толпы. Дальнѣйшія насильственныя мѣры отвлечь ее отъ аріанскаго пѣснопѣнія уже не могли имѣть мѣста. Поэтому, при настоятельной нуждѣ въ противодѣйствіи аріанской гимнографіи и ея вліянію на народъ, ревнителямъ православія не оставалось другаго

[1]) Ист. Соз., кн. VIII, гл. 8.

средства, какъ бороться съ нею такимъ же оружіемъ, тѣмъ болѣе, что средство, какимъ пользовались аріане, само по себѣ свято, а испытанная сила его была на-лицо. Употребить это средство въ услуженіе истинѣ выпало на долю знаменитому строителю церковнаго богослуженія—Св. Іоанну Златоусту. Великій пастырь, воспользовавшись тогдашнею благосклонностію двора къ нему, обнаружилъ всю силу своей святой энергіи къ этому дѣлу. Аріанскимъ «литіямъ» и процессіямъ онъ противопоставилъ соотвѣтствовавшія имъ, но болѣе стройно организованныя «всенощныя бдѣнія» и «крестные ходы». Существенною частію ихъ является то же пѣснопѣніе—пѣніе пѣсней съ припѣвами въ символическо-полемическомъ духѣ, изъ которыхъ съ того времени и вошелъ въ постоянное богослужебное употребленіе въ греческой церкви извѣстный припѣвъ Св. Троицѣ: «Слава Отцу и Сыну и Св. Духу». Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это пѣсни новыя, съ противуаріанскимъ содержаніемъ. Составленіемъ ихъ занимались люди, спеціально призванные къ этому дѣлу, какъ, напримѣръ, это извѣстно относительно прославившагося въ то время гимнографа, въ лицѣ придворнаго учителя пѣнія, заправлявшаго хоромъ, евнуха царской супруги, Бризона [1]). Что это за пѣсни были, какую форму, построеніе, объемъ имѣли онѣ,— опредѣлить трудно. Единственное свѣдѣніе, относящееся къ формѣ ихъ, указываетъ на то, что это были тропари; но что это за форма пѣснопѣнія того времени—по нему судить трудно. Во всякомъ случаѣ эти пѣсни отличались такимъ же искусствомъ построенія, какъ и аріанскія, потому что введеніемъ ихъ въ православное богослуженіе вполнѣ достигнута была цѣль— противодѣйствіе аріанскому пѣснопѣнію. Насколько сильно было дѣйствіе этихъ противуаріанскихъ пѣсней, или тропарей, которые распѣваемы были во время «всенощныхъ бдѣній» и крестныхъ ходовъ,— это видно изъ того, что успѣхъ ихъ послужилъ причиною кровопролитнаго столкновенія между аріанами и православными, которое побудило правительство запретить аріанамъ

---

[1]) Соз., кн. II, гл. 8.

публичное распѣваніе ихъ тенденціозныхъ пѣсней, что, конечно, не могло не способствовать возвышенію на счетъ ихъ православныхъ пѣснопѣній [1]).

Судя по всѣмъ этимъ условіямъ развитія богослужебнаго пѣснопѣнія въ греческой церкви IV вѣка, можно думать, что, съ накопленіемъ новыхъ пѣсней, приспособленныхъ даже къ разнымъ богослужебнымъ временамъ и случаямъ, само собою должны были вырабатываться новыя формы богослужебной поэзіи. Одна изъ такихъ формъ, кажется, дается намъ въ тропарѣ,—въ богослужебно-поэтической формѣ, первое образованіе или, по крайней мѣрѣ, введеніе въ церковно-богослужебное употребленіе которой относится къ IV вѣку. Насколько распространена была эта новая форма пѣснопѣнія въ греческой церкви, и какое движеніе произведено было ею въ IV вѣкѣ, это можно видѣть изъ нѣкоторыхъ данныхъ, приведенныхъ Питрою въ его «Гимнографіи Греческой Церкви». Онъ передаетъ, напримѣръ, разсказъ объ одномъ молодомъ египетскомъ монахѣ, ученикѣ Памвы [2]), который, прибывъ въ Александрію для продажи корзинъ, въ продолженіе двухъ дней посѣщалъ одну изъ здѣшнихъ церквей. Необычайно пораженный благоустройствомъ хора, пустынникъ особенно плѣнился пѣснопѣніемъ,—новымъ для него,—тропарями. Сказаніе это, по замѣчанію Питры, даетъ видѣть, что употребленіе тропарей въ Александрійской церкви времени, къ которому относится оно, было дѣломъ новымъ. Нововведеніе это проникло и въ Каппадокію (кесар.), гдѣ Св. Василій Великій допустилъ его въ своей церкви, чѣмъ вызванъ былъ со стороны нѣкоторыхъ ропотъ. Питра приводитъ затѣмъ еще повѣствованіе, которое съ очевидностью указываетъ на враждебное отношеніе нѣкоторыхъ отшельниковъ IV вѣка къ богослужебному употребленію тропаря, какъ формы новой, притомъ искусственной. Въ немъ, между прочимъ говорится, что когда персы опустошили Капподокію, одинъ авва, по имени Павелъ, бѣжалъ въ Константинополь, потомъ въ Алексан-

---

[1]) Sos. H. E.

[2]) Нитрійскій пустынножитель начала IV в.

дрію и, наконецъ, въ Нитрію, въ келью старца—анахорета. Послѣ нѣкотораго времени онъ явился къ настоятелю и просилъ отдѣльной кельи, потому что онъ не могъ жить со старцемъ. При этомъ пришлецъ, уже освоившійся съ богослужебными обычаями церквей—Каппадокійской, Константинопольской и Александрійской, указывая на уклоненія отъ нихъ, допускаемыя этимъ старцемъ, какъ и другими, особенно жаловался на то, что ему не дозволяютъ пѣть «каноны» и «тропари», которые составляютъ обычное пѣснопѣніе всѣхъ. «Братъ, сказалъ ему игуменъ, возвратись въ свою келью и живи со старцемъ, если ты хочешь спасти свою душу». Объяснивъ потомъ, что у нихъ свой уставъ, который имѣетъ особенности, онъ продолжалъ: «Что же касается тропарей и кановъ, то прилично это мірскимъ священникамъ и прочимъ мірянамъ; но для монаховъ, которые живутъ вдали отъ волненій міра, подобная вещь причиняетъ много вреда: подобно тому, какъ рыболовъ червякомъ уловляетъ рыбу,—точно также діаволъ посредствомъ тропарей низвергаетъ въ ровъ тщетной славы человѣческой, изысканности, любви къ наслажденіямъ. Поистинѣ, чуждо все это искусственное (модулярное) пѣніе монаху, который хочетъ спастись» [1]).

Общій выводъ, какой можно сдѣлать на основаніи представленныхъ данныхъ относительно состоянія богослужебной поэзіи греческой церкви въ IV вѣкѣ, тотъ, что съ этого времени она начинаетъ развиваться въ новомъ направленіи. Такъ, въ IV вѣкѣ особенно выступаетъ на видъ искусственность построенія формъ пѣснопѣнія. Къ сожалѣнію, памятниковъ произведеній въ этихъ формахъ, принадлежащихъ собственно греческой церкви, отъ этого времени не сохранилось, такъ что при изслѣдованіи состоянія богослужебной поэзіи въ IV вѣкѣ приходится довольствоваться почти одними голословными свидѣтельствами, которыя и могутъ приводить только къ общимъ выводамъ. Утрата богослужебныхъ пѣснопѣній IV вѣка на первый взглядъ представляется загадочною, особенно при обращеніи вниманія на богатство дошедшихъ до насъ

[1]) Himnographie del' E. Gr.

отъ IV вѣка памятниковъ въ другихъ родахъ церковной письменности. Но она легко объясняется при взглядѣ, по указанію свидѣтельствъ, на содержаніе и характеръ большей части утраченныхъ пѣснопѣній. Если развитіе православной греческой богослужебной поэзіи въ IV вѣкѣ обусловливалось, между прочимъ, противодѣйствіемъ еретической гимнографіи, то весьма естественно, что общее содержаніе ея должно было опредѣляться самою борьбою: православная гимнографія должна была служить выраженіемъ оспариваемыхъ истинъ. Значитъ, многія пѣснопѣнія IV вѣка, по своему содержанію полемико-дидактическому, могли имѣть только временное значеніе. Что же касается тѣхъ богослужебныхъ пѣсней, которыя обязаны своимъ появленіямъ не оппозиціоннымъ, а чисто богослужебнымъ цѣлямъ, каковы, наприм., указанные выше утренніе и вечерніе гимны, пасхальныя пѣсни и др.,—такъ исчезновеніе ихъ можетъ быть объяснено, съ одной стороны,—недостаточною опредѣленностью, неустойчивостью тогдашняго богослужебнаго чина, съ другой—неповсемѣстною распространенностью этихъ новыхъ пѣснопѣній и, можетъ быть, враждебнымъ отношеніемъ къ нимъ современниковъ ихъ появленія.

Какъ бы то ни было, это почти совершенное отсутствіе памятниковъ богослужебной поэзіи греческой церкви IV вѣка отнимаетъ возможность научнаго изслѣдованія ея въ частныхъ чертахъ. Впрочемъ, для полноты характеристики ея могутъ имѣть значеніе многія творенія IV в., по содержанію, характеру и даже по формѣ близко примыкающія къ области богослужебной поэзіи, такъ что по нимъ можно нѣкоторымъ образомъ судить о произведеніяхъ послѣдней даннаго времени. Таковы, наприм., отдѣльныя мѣста нѣкоторыхъ проповѣдныхъ словъ и нѣкоторыя стихотворенія св. Григорія Назіанзена, напоминающія собою церковныя пѣсни.

Будучи поэтомъ отъ природы, Григорій Назіанзенъ отдался религіозно-поэтической дѣятельности преимущественно въ концѣ своей жизни. Но и прежде еще, когда онъ преданъ былъ пастырской, а вмѣстѣ съ тѣмъ духовно-ораторской дѣятельности, овладѣвая умами и сердцами слушателей для покоренія ихъ истинамъ вѣро-нравоученія,—въ его возвышенномъ

ораторствѣ слышались иногда истинно поэтическія ноты, какъ невольное изліяніе свѣтлаго восторга, порывовъ высокаго поэтическаго вдохновенія. Такихъ поэтическихъ мѣстъ въ разныхъ проповѣдяхъ Св. Григорія, особенно на дни великихъ церковныхъ праздниковъ, очень много. Но что всего замѣчательнѣе, такъ то, что нѣкоторыя изъ нихъ по тону и характеру содержанія подходятъ къ пѣснямъ церковнымъ, почему знаменитый церковный поэтъ послѣдующаго времени (I Дамаскинъ) могъ сдѣлать ихъ достояніемъ греческой гимнографіи. Возьметъ, наприм., хоть слѣдующіе отрывки: «Вотъ-день воскресенія», восклицаетъ восторженный ораторъ-поэтъ въ началѣ своего слова на Пасху, «начало блаженное; простимся торжествомъ, обнимемъ другъ друга; скажемъ—братія»; далѣе: «вчера я погребался вмѣстѣ съ Тобою, Христе, теперь встаю вмѣстѣ съ Тобою»; или въ концѣ втораго слова на Пасху: «О, Пасха велія и священная, Христе! о, мудрость и сила» и пр.; подобными же восклицаніями начинается слово вдохновеннаго проповѣдника-поэта: на Рождество Христово «Христосъ рождается—славьте» и пр.

Во многихъ своихъ стихотвореніяхъ св. Григорій Назіанзенъ отдалъ дань своему времени — внесеніемъ въ нихъ догматическаго содержанія, почему ихъ безспорно можно отнести къ роду богослужебно-полемической гимнографіи IV вѣка. Во всякомъ случаѣ, они служатъ несомнѣннымъ отголоскомъ ея. Напрасно, поэтому, мы стали бы искать въ этихъ произведеніяхъ поэтическаго содержанія, — они плодъ рефлексіи, а не живаго чувства. Поэтическій элементъ въ нихъ является только во внѣшнихъ формахъ выраженія. Словомъ, въ большей части стихотвореній, прикрывая существенное содержаніе—богословствующую мысль — поэтическими формами, св. Григорій, при всѣхъ стремленіяхъ къ поэзіи, и здѣсь все-таки является богословомъ. Богословіе его въ этомъ, такъ сказать, переводѣ на поэтическій языкъ заключено въ нѣсколькихъ догматическихъ стихотворныхъ трактатахъ, иногда на однѣ темы съ проповѣдями, какъ напр., «о Сынѣ», «о вочеловѣченіи», и т. п. «Прежде всего, прославимъ Сына, чтя кровь—очищеніе нашихъ немощей»..., такъ начинаетъ бого-

словствующій поэтъ свое стихотвореніе «о Сынѣ» и прославляетъ Его затѣмъ раскрытіемъ ученія о Немъ, направленнымъ противъ современныхъ еретиковъ. «Ничего не было прежде великаго Отца, – говоритъ онъ далѣе,—потому что Онъ все имѣетъ въ Себѣ. И Его знаетъ неотлучный отъ Отца, Отцемъ рожденный, безлѣтный Сынъ, великаго Бога Слово, Образъ Первообраза, Естество-равное Родителю. Ибо слава Отца—великій Сынъ. А какъ явился Онъ отъ Отца,—знаетъ Единый Отецъ и явившійся отъ Отца... Впрочемъ, то несомнѣнно извѣстно и всякому человѣку, и мнѣ, что божеству нельзя приписывать моего рожденія, т. е. теченія, безславнаго сѣченія... А слова: нерожденный, рожденіе отъ Отца не равнозначительны слову—божество. Иначе, кто произвелъ бы сіи два рода божества. Въ отношеніи къ Богу оба они не входятъ въ понятіе Сущности; естество же, по моему разумѣнію, не разсѣкаемо... Если же ты, суемудрый, желая возвеличить божество Отца, отринулъ рожденіе, и Христа низводишь въ рядъ тварей, то оскорбилъ ты божество обоихъ: Отецъ лишенъ у тебя Сына, и Христосъ—не Богъ, если только Онъ сотворенъ» [1]). То же отвлеченное разсужденіе содержится, напр., и въ стихахъ Григорія Богослова «о святомъ Духѣ», начало которыхъ только отзывается лиризмомъ. «Что медлишь, душа моя? Воспой и славу Духа»,—такъ начинаетъ онъ это стихотвореніе и потомъ, какъ и въ предъидущемъ, богословствуетъ далѣе: «не отдѣляй въ Словѣ Того, Кто не исключенъ по естеству. Съ трепетомъ чтимъ великаго Духа: Онъ мой Богъ, Имъ познанъ я Богъ, Онъ Самъ есть Богъ, и меня въ той жизни творитъ Богомъ; Онъ жизнеподатель, сѣдитъ на превознесенномъ престолѣ, исходитъ отъ Отца. Онъ не Сынъ, но Онъ и не внѣ невидимаго божества, а равночестенъ... Въ трехъ свѣтахъ одно естество. Въ божествѣ единица, но тричислены Тѣ, которымъ принадлежитъ божество» [2]). Стихотвореніе «о вочеловѣченіи» отличается сравнительною краткостью и стройностью, хотя и въ немъ нѣтъ

---

[1]) Творенія Григ. Бог., ч. IV, 218—219. 1844 г.

[2]) Там., 220—224.

признаковъ поэтическаго творчества. «Не разуменъ тотъ, полемизируетъ ревнитель Православія въ немъ съ Аполлинаріемъ, кто Царю, присносущему Божію Слову, не воздаетъ равно-божеской чести съ Пренебеснымъ Отцемъ; не разуменъ и тотъ, кто Царю-Слову, на землѣ явившемуся въ образѣ человѣческомъ, не воздаетъ равно-божеской чести съ небеснымъ Словомъ, но отдѣляетъ или Слово отъ великаго Отца, или отъ Слова человѣческій образъ и нашу дебелость. Отчее Слово было Богъ, но стало человѣкомъ, чтобы, соединившись съ земными, соединить съ нами Бога. Оно обоюду-единый Богъ» [1]). Таковы же по складу содержанія и дидактическо-догматическія стихотворенія Св. Григорія какъ: «о началахъ», «о мірѣ», «о промыслѣ», «объ умныхъ сущностяхъ», на которыхъ намъ нѣтъ нужды останавливаться, потому что эти произведенія, по преобладанію въ нихъ нравственно-философскаго, а не догматико-полемическаго элемента, не имѣютъ такого близкаго отношенія къ богослужебной поэзіи IV вѣка, какъ только что разсмотрѣнныя, связь которыхъ съ нею, судя по приведеннымъ выше свидѣтельствамъ, тѣсная, родственная.

Если еще требуются нѣкоторыя усилія для того, чтобы видѣть близость отношенія догматико-полемическихъ стихотвореній Григорія Богослова къ такимъ же пѣснопѣніямъ греческой церкви IV вѣка и по нимъ судить о послѣднихъ, то въ другихъ стихотвореніяхъ его—лирическихъ, близость эта къ богослужебной поэзіи вообще, безъ временныхъ особенностей ея, является очевидною. Эти произведенія носятъ на себѣ явные слѣды поэтическаго вдохновенія, хотя не свободны отъ догматическаго элемента. Изъ нихъ богослужебнымъ характеромъ особенно отличается «Гимнъ Богу», который представляетъ собою древнѣйшую форму пѣснопѣнія—славословіе. Первая строфа этой хвалебно-молитвенной пѣсни состоитъ изъ однихъ почти краткихъ восклицаній—выраженія восторженнаго благоговѣнія къ необъятному предмету пѣснословія. «О, Ты, Который превыше всего», восклицаетъ въ началѣ вдохновенный поэтъ. «Ибо что иное позволено мнѣ из-

[1]) Твор. Гр. Бог., Москва, 1847, 44—

речь о Тебѣ? Какъ воспѣснословить Тебя, Слово? Ибо Ты не изрекаемъ никакимъ словомъ. Какъ воззритъ на Тебя умъ? Ибо Ты не постижимъ никакимъ умомъ. Тебѣ воздаетъ честь все—и одаренное и неодаренное разумомъ! Къ Тебѣ устремлены общія всѣхъ желанія; о Тебѣ болѣзнуютъ всѣ сердца; Тебѣ все возсылаетъ моленіе; Тебѣ все уразумѣвающее Твои мановенія изрекаетъ безмолвное пѣснословіе. Тобою Единымъ все пребываетъ. Къ Тебѣ все въ совокупности стремится. Ты конецъ всего; Ты единъ и все; Ты ни единъ, ни единое, ни все... Будь милосердъ, о, Ты, Который превыше всего... Дай воспѣснословить, дай прославить Тебя, нетлѣннаго, единодержца, Царя, Владыку! Тобою пѣснь и хвала, и ангельскіе лики, и нескончаемые вѣки; Тобою сіяетъ солнце, Тобою путь луны и вся красота звѣздъ; Тобою человѣкъ, отличенный честію, какъ разумное животное, получилъ въ удѣлъ мысль о божествѣ. Ты создалъ все, каждой вещи указываешь ея чинъ и все объемлешь Своимъ Промысломъ. Ты изрекъ слово—и совершилось дѣло. Ибо Слово Твое есть Богъ Сынъ, единосущный и равночестный родившему. Онъ привелъ все въ устройство, чтобъ надъ всѣмъ царствовать. А всеобъемлющій святый Духъ-Богъ хранитъ все своимъ промышленіемъ... Будь милостивъ ко мнѣ, Отецъ! Да обрѣту у Тебя милость и благодать, потому Тебѣ слава и благодареніе въ безмѣрные вѣки» [1]).

Не нужно вдаваться въ подробный анализъ этой величественной пѣсни, чтобы видѣть богослужебный характеръ ея. По существенному, отличительному свойству содержанія, по возвышенно-торжественному тону и даже по общему плану

---

[1]) «Гимнъ Богу» стоитъ не одинокимъ въ ряду лирическихъ пѣсней Св. Григорія. Къ нему тѣсно примыкаетъ другой, совершенно сродный по основному характеру и тону,—«Пѣснь Христу, послѣ безмолвія, въ Пасху». Въ немъ, послѣ обращенія къ Отчему Свѣту, Образу безсмертнаго Отца,—I. Христу, прославляется творческая и промыслительная сила Его и воплощеніе—въ словахъ: «Твоя слава—человѣкъ, котораго поставилъ Ты здѣсь ангеломъ, пѣснословцемъ сіянія Твоего, о, безсмертный Свѣтъ и вновь родившійся для смертнаго, безплотная Высота, напослѣдокъ же, чтобы избавить отъ гибели смертныхъ, Плотоносецъ». Подобнымъ образомъ воспѣваются далѣе искупленіе и воскресеніе I. Христа. Твор. Гр. Б., IV, 358.

построенія, «Гимнъ Богу» совершенно подходитъ къ роду хвалебно-молитвеннаго пѣснопѣнія, или, точнѣе, славославія,—стало быть, той, такъ сказать, первичной формѣ его, которая сложилась еще въ первые вѣка христіанства. Въ составѣ его видна общая схема «великаго славословія», по которой изліяніе чувствъ хвалы, благоговѣнія, благодаренія Богу предшествуетъ испрошенію милостей Его. Далѣе, не смотря на лирическое содержаніе, въ немъ нѣтъ того субъективизма, которымъ проникнуты прочія лирическія произведенія Григорія Назіанзена, отражающія его мистическо-меланхолическую личность. Въ этой особенности «Гимна» едва ли не болѣе всего сказывается богослужебный характеръ его и вмѣстѣ съ тѣмъ близость отношенія къ существовавшимъ при появленіи его пѣснопѣніямъ этого рода.

Употребительность пѣсней церковныхъ, подобныхъ «Гимну» Св. Григорія, или распространенность ихъ въ IV вѣкѣ можно считать явленіемъ, недопускающимъ сомнѣнія. Стоитъ, напримѣръ, только обратить вниманіе на замѣчательный фактъ появленія подобнаго же гимна въ западной церкви, почти одновременнаго съ написаніемъ «Гимна Богу», привести въ связь одно съ другимъ,—чтобы со всею ясностью видѣть особенное вниманіе и уваженіе къ этому роду пѣснопѣнія въ IV вѣкѣ. Гимнъ этотъ—Te Deum laudamus (Тебе-Бога-хвалимъ), обыкновенно приписываемый Св. Амвросію Медіоланскому и называемый даже его именемъ. Онъ заключаетъ въ себѣ много сходнаго по мыслямъ, выраженію и особенно по построенію съ «Гимномъ» Св. Григорія. Сходство это такъ значительно и такъ очевидно, что при взглядѣ на эти произведенія, естественно, является вопросъ: въ какомъ отношеніи стоятъ они другъ къ другу со стороны происхожденія, и какъ относятся къ богослужебной поэзіи Греческой Церкви? Весьма благовидный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у преосвященнаго Филарета (Черниговскаго), который безовсякаго колебанія назвалъ одинъ изъ разсматриваемыхъ гимновъ, именно гимнъ св. Амвросія, заимствованнымъ. Сравнивая эти двѣ столь сходныя пѣсни, онъ, между прочимъ, говоритъ: «поелику св. Григорій писалъ свои гимны въ уе-

диненіи въ 382 г., а гимнъ Амвросія относится къ 386 году, и поелику несомнѣнно, что св. Амвросій обыкновенно весьма многое заимствовалъ въ свои сочиненія изъ писаній отцевъ восточныхъ; то не остается никакого сомнѣнія, что хвалебный гимнъ св. Амвросія есть въ собственномъ смыслѣ гимнъ Греческой Церкви IV вѣка» [1]). Само собою понятно, слѣдуетъ далѣе добавить, что подражаніемъ гимну св. Григорія онъ быть не могъ уже потому, что разстояніе времени между составленіемъ гимна св. Григорія и появленіемъ гимна, приписываемаго св. Амвросію, слишкомъ незначительно, чтобы первый успѣлъ получить извѣстность и распространиться, тѣмъ болѣе, что онъ написанъ былъ въ то время, когда авторъ его находился въ уединеніи. Случайность же совпаденія во времени появленія этихъ произведеній, конечно, не могла имѣть мѣста и, при такомъ разительномъ сходствѣ ихъ, представляется невѣроятною. Естественнѣе, кажется, предположить, что обѣ эти сродныя пѣсни – не оригинальны, а представляютъ изъ себя не что иное, какъ подражаніе,—въ основѣ,—одному какому-то греческому образцу, даже болѣе,—какъ двѣ почти одновременныя редакціи его. На этомъ предположеніи и останавливаются ученые въ изслѣдованіи отношенія между разсмотрѣнными гимнами [2]). А при такомъ предположеніи близость ихъ къ греческой церковной гимнографіи IV вѣка становится очевидною, что даетъ возможность судить по нимъ о состояніи пѣснопѣнія Греческой Церкви этого времени, какъ достигшаго сравнительно высокой степени развитія.

Всѣ представленные доводы и соображенія относительно состоянія богослужебной поэзіи Греческой Церкви въ IV в., какъ бы они ни были состоятельны, даютъ только общія, притомъ отрывочныя понятія объ особенностяхъ его. Не смотря на значительное—вообще—количество ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ относительно движенія въ области пѣснопѣнія Греческой Церкви въ данное время, усиленнаго сравни-

---

[1]) Истор. Обозр. пѣснопѣ., 135.

[2]) Напримѣръ, Рамбахъ.

тельно высокаго развитія гимнографіи въ ней,—при отсутствіи памятниковъ, невозможно представить болѣе или полную и цѣльную характеристику греческой богослужебной поэзіи знаменитаго христіанскаго вѣка. Этотъ недостатокъ оригинальныхъ памятниковъ обезоруживаетъ изслѣдователя на пути къ точнымъ, положительнымъ выводамъ относительно разсматриваемой области. Тѣмъ не менѣе, такіе близкіе къ богослужебнымъ произведеніямъ по содержанію, харктеру и строю изложенія памятники, какъ разобраные, въ извѣстной мѣрѣ, восполняютъ этотъ недостатокъ, представляя, такъ сказать, въ отраженномъ, но ясномъ свѣтѣ многія характерныя черты своихъ образцовъ.

III.

Въ изслѣдованіи состоянія богослужебной поэзіи Греческой Церкви въ первые четыре вѣка, содержанія, характера и формъ принадлежащихъ ея области произведеній, уже освѣщается одна изъ самыхъ темныхъ сторонъ ея—историческое происхожденіе пѣснопѣній. Такъ, многознаменательный фактъ связи появленія нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсней съ тѣми или другими историческими обстоятельствами, въ которыхъ находилась Церковь, свидѣтельствуетъ, что гимнографія Греческой Церкви первыхъ четырехъ вѣковъ обусловливалась, особенно въ отношеніи формъ, извѣстными вліяніями. При существующихъ данныхъ, нѣтъ, однако, возможности, какъ мы видѣли, прослѣдить весь ходъ развитія ея въ связи съ этими вліяніями, осязательно представить генетическую связь и, вообще, взаимное отношеніе между произведеніями ея, взятыми въ цѣлой совокупности. Но отказаться отъ попытки—уяснить болѣе или менѣе, осмыслить главные моменты развитія, подъ вліянемъ образцовъ, формъ богослужебной поэзіи Греческой Церкви въ первые четыре вѣка—значило бы допустить очевидный пробѣлъ въ изслѣдованіи ея.—Само собою понятно, что прежде всего обращаетъ вниманіе на себя, при этомъ, самое возникновеніе этихъ формъ, а затѣмъ постепенное измѣненіе ихъ вида и осложненіе. Для раскрытія же этой стороны въ нашемъ предметѣ важную услугу можетъ оказать

анализъ изложенія извѣстныхъ памятниковъ богослужебной поэзіи,—средство, путемъ котораго можно придти къ болѣе или менѣе точнымъ выводамъ; при помощи его безъ затрудненія мы можемъ найти, прежде всего, первоначальныя формы, которыя служили прототипами первыхъ и ближайшихъ къ нимъ пѣснопѣній Греческой Церкви.

При самомъ первомъ пробужденіи религіозно-поэтическаго творчества у христіанъ Греческой Церкви, они имѣли уже двѣ готовыя выработанныя формы выраженія религіознаго чувства—ветхозавѣтные псалмы и гимны языческіе, рѣзко различавшіеся между собою, кромѣ, конечно, содержанія, по способамъ выраженія мыслей. Миѳическое содержаніе гимновъ языческихъ, напримѣръ, орфическихъ, напоминавшее аттрибуты языческаго культа, на первыхъ же порахъ, отталкивая отъ себя первенствующихъ христіанъ, естественно, должно было внушать нерасположеніе и къ самымъ формамъ ихъ, какъ это мы видѣли. Взамѣнъ ихъ вполнѣ естественно было имъ отдаться обаятельному вліянію священной лиры—псалмовъ. Постоянное благоговѣйное употребленіе псалмовъ въ первенствующей церкви греческой, способствовавшее усвоенію духа библейской поэзіи, вмѣстѣ съ этимъ сообщало въ глазахъ вѣрующихъ грековъ какое-то высшее освященіе выраженію, внѣшнему складу поэтическому ихъ—ритму. Это, конечно, не могло не отразиться и, дѣйствительно, отразилось соотвѣтствующимъ образомъ на первоначальныхъ произведеніяхъ христіанской поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ цѣлой группѣ пѣснопѣній первыхъ вѣковъ видны явные слѣды библейскихъ псалмовъ; въ нихъ такъ характерно повторяются существенныя особенности еврейскаго поэтическаго построенія духовныхъ пѣсней, что послѣднія легко признать прототипами первыхъ. Благодаря этому, открывается полная возможность опредѣлить ихъ взаимное отношеніе, т. е. указать близкое, непосредственное вліяніе однихъ на другія, ихъ родство между собою, разумѣется, посредствомъ анализа извѣстныхъ памятниковъ христіанской поэзіи первыхъ временъ, направленнаго къ выводу относительно генетическаго происхожденія ихъ изъ псалмопѣнія.

Въ библейской ветхозавѣтной поэзіи, идея, какъ обыкновенно выражаются, всюду преобладаетъ надъ формою. Способы выраженія въ священно-поэтическихъ произведеніяхъ ветхаго завѣта истиннаго, вдохновеннаго лиризма, далеко не соотвѣтствуютъ силѣ, живости и разнообразію мотивовъ содержанія его, приближаясь, по бѣдности музыкальнаго строя рѣчи, болѣе къ формамъ выраженія прозаическимъ. Здѣсь внутреннее—выше, совершеннѣе внѣшняго, духовный элементъ имѣетъ перевѣсъ надъ матеріальнымъ, звуковымъ, между тѣмъ, какъ въ древне-греческой, напримѣръ, поэзіи художественно оформлена самая внѣшняя сторона ея, и прекрасная, такъ сказать, наружность выражаетъ собою красоту внутренняго содержанія, находясь въ обаятельно-гармоническомъ неуловимомъ равновѣсіи съ нимъ. Не смотря, однако, на неразвитость библейско-ветхозавѣтныхъ словесныхъ формъ лирическаго выраженія, рѣчь поэтическая въ ветхозавѣтныхъ книгахъ. по свидѣтельству изслѣдователей, рѣзко отличается отъ прозаической, особенно въ мѣстахъ, заключающихъ въ себѣ изліяніе сильно возбужденнаго чувства, являясь, по требованію движенія тоновъ, съ особымъ мѣрнымъ построеніемъ въ болѣе или округленной и законченной формѣ стиха—такъ называемаго—ритмическаго. И эта музыкальность рѣчи въ священной поэзіи, стихъ, все-таки отличается попреимуществу характеромъ, такъ сказать, духовности: это ритмъ мысли, обнаруживающійся въ симметрическомъ расположеніи цѣлыхъ предложеній и даже періодовъ, въ гармоническомъ соотношеніи частей, или членовъ, отдѣльныхъ стиховъ другъ къ другу. Этотъ родъ свободнаго ритма въ своей своеобразной формѣ называется параллелизмомъ членовъ (parallelismus membrorum), съ помощію котораго поэтъ, при наплывѣ стремительныхъ чувствъ и мыслей, то ускоряетъ, то задерживаетъ теченіе выраженія ихъ, поставляя во взаимное соотвѣтствіе, какъ положеніе и противоположеніе, причину и слѣдствіе и т. п. Нѣтъ нужды намъ формулировать всѣ слишкомъ разнообразныя частныя комбинаціи отношеній между членами параллелизма разныхъ видовъ. Для нашей цѣли достаточно указать на три общіе вида, сущность которихъ выражается

въ самыхъ названіяхъ ихъ, каковы параллелизмы: синонимическій, антитетическій и синтетическій (въ послѣднемъ члены сопоставляются не какъ синонимы или противоположенія, но какъ предложенія, постепенно раскрывающія и усиливающія мысль, или же, вообще, находящіяся въ какомъ-либо соотношеніи между собою, кромѣ указанныхъ). При этомъ необходимо отмѣтить ту весьма важную особенность ритмическаго построенія рѣчи по способу параллелизма въ библейскихъ книгахъ, что въ нихъ нельзя или рѣдко можно найти, чтобы тотъ или другой видъ параллелизма проходилъ по цѣлому болѣе или менѣе обширному отдѣленію стиховъ или правильно чередовался съ другимъ видомъ, или же, вообще, связанъ былъ правильнымъ возвратомъ однородныхъ комбинацій, независимо отъ свойства содержанія предложеній. Нѣтъ, ветхозавѣтный поэтъ, увлеченный потокомъ святыхъ мыслей и чувствъ, не стѣсняется строгими требованіями закономѣрности выраженія ихъ и, смотря по ихъ теченію, то быстрому, порывистому, то плавному и спокойному, выражаетъ ихъ въ постоянной смѣнѣ стройно соединенныхъ параллельныхъ стиховъ со стихами, колеблющимися въ ритмѣ и даже почти лишенными его, близко подходящими къ прозаическому построенію рѣчи.

Нужно ли говорить, что эти выдающіяся черты библейской поэтической рѣчи особенно характерно выступаютъ въ ветхозавѣтныхъ пѣснопѣніяхъ, именно въ псалмахъ, естественно ставшихъ по духу и содержанію, высокими, единственными образцами для христіанскихъ (церковныхъ) пѣсней въ первенствующей церкви. И нѣтъ ничего удивительнаго, повторимъ опять, что, благоговѣйно проникаясь содержаніемъ и духомъ псалмовъ, христіане первыхъ временъ греческой церкви незамѣтно, какъ бы механически усвоили логическій ритмъ ихъ, этотъ особенный строй поэтическаго выраженія, который вскорѣ долженъ былъ съ выдающимися, отличительными чертами отразиться на собственныхъ ихъ пѣснопѣніяхъ церковныхъ. Возможность такого вліянія священно-поэтическаго склада еврейской рѣчи на складъ греческой рѣчи не отрицается тѣмъ, что оно должно было произойти при посредствѣ перевода, потому что логическія особенности языка

могутъ удерживаться въ переводахъ и что, въ частности, въ греческомъ переводѣ ветхозавѣтныхъ книгъ параллелизмъ членовъ сказывается съ особенною силою.

Въ подтвержденіе сказаннаго о вліяніи библейскаго параллелизма на строй выраженія лирическаго содержанія въ пѣснопѣніяхъ греческой церкви первыхъ вѣковъ, намъ слѣдовало бы обратиться къ анализу ихъ. Но прежде, чѣмъ приступить къ нему, не излишне, кажется, войти въ объясненіе по поводу отрицанія параллелизма, какъ исключительной особенности построенія еврейской (ветхозавѣтной) поэтической рѣчи. Этотъ отрицательный взглядъ проведенъ почтеннымъ нашимъ ученымъ, проф. А. Олесницкимъ, въ его статьѣ: «Ритмъ и метръ ветхозавѣтной поэзіи» [1]). Доказывая несостоятельность теоріи библейскаго параллелизма, отрицая ритмъ, какъ особенность поэтической ветхозавѣтной рѣчи, онъ, въ видѣ уступки, указываетъ на то, что если даже и признать въ параллелизмѣ своеобразный способъ поэтическаго построенія рѣчи, то, во всякомъ случаѣ, способъ этотъ не есть исключительная принадлежность священной еврейской поэзіи, но вообще всей поэзіи древняго востока и даже не-восточныхъ націй позднѣйшихъ временъ; что основа этой особенности коренится въ глубинѣ человѣческаго духа, и потому она имѣетъ общечеловѣческій характеръ. Въ приложеніи къ представленнымъ нами доводамъ, относительно усвоенія первоначальнымъ христіанскимъ пѣснопѣніемъ параллелизма, какъ существенной, отличительной особенности священной еврейской поэзіи, взглядъ этотъ, очевидно, имѣетъ значеніе косвеннаго отрицанія ихъ, чѣмъ собственно и вызываетъ необходимость объясненія съ нашей стороны.—Безспорно, что способность, выражаясь неточно, попарнаго возникновенія мыслей и выраженія ихъ въ симметріи, подобной параллелизму членовъ, есть достояніе общечеловѣческое; на ней-то и основывается возможность усвоенія подобнаго способа сочетанія однимъ-народомъ у другого. Мы не затруднимся нисколько принять также, что разсматриваемая особенность склада поэтической рѣчи получила

---

[1]) Тр. Кіев. Д. А., окт., ноябр. и дек. 1872 г.

усиленное развитіе у всѣхъ почти культурныхъ народовъ древняго востока, что, слѣдовательно, не составляетъ принадлежности только священной еврейской поэзіи. Можно сказать, пожалуй, даже, что она, эта особенность поэтической рѣчи, у евреевъ была продуктомъ вліянія поэтическихъ образцовъ египетскихъ—какъ тому благопріятствуютъ открытые памятники,—и что уже послѣ заимствованія, въ періодъ самобытности евреевъ, ей дано было у нихъ такое широкое приложеніе и развитіе, какъ ни у одного изъ древнихъ восточныхъ народовъ. Только мы прибавимъ къ этому, что данный способъ поэтическаго выраженія представляетъ собственно элементарную все-таки форму, свойственную восточнымъ народамъ, подобно другимъ особенностямъ ихъ поэзіи. У грековъ же мы не видимъ даже зачатковъ развитія общеловѣческой «способности» къ поэтическому параллелизму, какъ къ элементарной формѣ выраженія: другіе общечеловѣческіе элементы поэтическихъ формъ изящнаго выраженія, ставшіе, вслѣдствіе высокаго развитія эстетическаго вкуса, національными, какъ у евревъ параллелизмъ, особенностями поэзіи, не дали мѣста сбоводно-ритмической, этой, строго говоря, не художественной формѣ рѣчи. Вотъ почему, замѣчая очевидные слѣды свободно-ритмическаго ветхозавѣтно-библейскаго выраженія мыслей въ первоначальныхъ христіанскихъ пѣснопѣніяхъ, мы съ достаточнымъ основаніемъ можемъ утверждать, что они составлены были подъ непосредственнымъ вліяніемъ ветхозавѣтныхъ псалмовъ и состоятъ въ самомъ близкомъ, органическомъ родствѣ съ ними по происхожденію. Что касается, далѣе, сущности приведеннаго отрицательнаго взгляда, — что параллелизмъ нельзя признать своего рода размѣромъ стихосложенія или замѣною его,—съ этимъ трудно не согласиться. Но что есть все-таки въ библейской ветхозавѣтной поэзіи особый складъ рѣчи, который носитъ въ себѣ, такъ сказать, логическій размѣръ, извѣстное симметрическое сочетаніе мыслей, отличающее, какъ особенность, построеніе рѣчи ветхозавѣтно-библейской поэтической, и отразившееся, какъ увидимъ на первоначальномъ христіанскомъ пѣснопѣніи,—это фактъ, всѣ усилія къ отрицанію котораго были бы

напрасны. Существуетъ ли помимо параллелизма внѣшній размѣръ библейской поэтической рѣчи, — это иной вопросъ, который не касается нашего изслѣдованія.

Обратимся теперь къ анализу изложенія—построенія древне-христіанскихъ церковныхъ пѣсней, сложившихся подъ вліяніемъ библейскихъ пѣснопѣній. Одна изъ древнѣйшихъ церковныхъ пѣсней, въ которой параллелизмъ членовъ является очевиднымъ и которая допускаетъ самое отчетливое разложеніе состава до мелчайшихъ частей,—это Ὕμνος ϵωθινὸς (Утренній гимнъ), начинающійся словами: «Слава въ вышнихъ Богу (Δόξα ἐν ὑψίστοις). Первые три стиха ея представляютъ трехчленный параллелизмъ, при чемъ первый членъ по отношенію къ остальнымъ двумъ стоитъ въ антитетическомъ отношеніи, второй къ третьему—въ синонимическомъ. Эти отношенія можно формулировать такимъ образомъ: a b c; въ пѣсни они представляются такъ:

Слава въ вышнихъ Богу,
И на земли миръ,
Въ человѣцѣхъ благоволеніе.

Далѣе слѣдуютъ пять синонимическихъ членовъ, связанныхъ съ слѣдующимъ—шестымъ синтетически (причинно). какъ: a b c d e f

Хвалимъ Тя,
Благословимъ Тя
Кланяемтися,
Славословимъ Тя,
Благодаримъ Тя
Великія ради славы Твоея

Вслѣдъ затѣмъ идетъ новое, впрочемъ, нѣсколько сбивчивое чередованіе членовъ, составляющихъ продолженіе начатаго періода, за нимъ слѣдуетъ потомъ строго выдержанный синонимико-синтетическій параллелизмъ, члены котораго могутъ быть представлены въ отношеніяхъ: a b c d e f g

Господи, Боже,
Агнче Божій,
Сыне Отечь,
Вземляй грѣхи міра—
Пріими молитву нашу,
Сѣдяй одесную Отца—
Помилуй насъ.

Рядомъ съ «Великимъ славословіемъ», такъ близко подходящимъ, по своему характеру и построенію членовъ рѣчи, къ ветхозавѣтнымъ пѣснопѣніямъ, въ Постановленіяхъ апостольскихъ помѣщена другая, болѣе краткая, пѣснь, библейско поэтическій ритмъ въ которой сказывается съ такою же силою, какъ и въ разсмотрѣнной. Родственная связь со псалмами видна въ ней съ перваго же разу. Эта пѣснь начинается даже первыми стихами хвалебнаго псалма (CXIII, 1) и является какъ бы подражательнымъ отвѣтомъ на нихъ. Схема расположенія членовъ въ ней: a b c d e f

Хвалите, отроцы, Господа,
Хвалите имя Господне!
Тебѣ подобаетъ хвала,
Тебѣ подобаетъ пѣніе,
Тебѣ слава подобаетъ
Богу и Отцу.

Вслѣдъ за этими церковными пѣснями, съ строгимъ закономѣрнымъ логическимъ построеніемъ, соотвѣтствующимъ требованіямъ параллелизма, нельзя не обратить вниманіе на одну столь же древнюю, какъ и разобранныя, пѣснь,—такъ называемый «Вечерній Гимнъ» (Ὕμνος ἑσπερίνος), начинающійся словами: «Свѣте Тихій». Въ ней библейскій параллелизмъ оставилъ самый слабый, правда, слѣдъ, и то не въ соотвѣтствіи между отдѣльными членами—стихами, а въ прямомъ синтетическомъ соотношеніи между періодами, представляющими родъ строфъ. Строго говоря, здѣсь всего естественнѣе видѣть то свободно ритмическое построеніе, которое господствуетъ вообще въ псалмахъ, напоминая собою торжественную, величавую прозу, хотя и весьма удобно раздѣлить на стихи, какъ это мы находимъ у Даніеля [1]). При очевидной

[1]) Thesaur. hímnol., T. III. Считаемъ нелишнимъ привести въ подлинномъ видѣ эту пѣснь съ такимъ стихообразнымъ построеніемъ:

Φῶς ἱλαρὸν ἁγίας δόξης,
Ἀθανάτου, πατρὸς οὐρανίου,
Ἁγίου,—μάκαρος,
Ἰησοῦ χριστε,
Ἐλθόντες ἐπὶ τὴν ἡλιον δύσιν
Ἰδόντες φῶς ἑσπερινόν,

раздѣльности этой церковной пѣсни въ отношеніи построенія, съ перваго раза, однако, какъ-то слишкомъ рѣзко бросается въ глаза неравномѣрность періодовъ,—то. что не соблюдена въ нихъ количественность періодическаго построенія, какъ бы это требовалось отъ пѣсни съ ритмомъ. Но чтобы увѣриться въ употребительности такого дѣленія, достаточно, кажется, замѣтить, что неравномѣрность періодовъ—строфъ нерѣдко встрѣчается и въ ветхозавѣтныхъ пѣсняхъ, какъ напримѣръ, въ псалмахъ: XVII, XXX, XXXII, и что главное въ ветхозавѣтной поэзіи—ритмъ мысли, который благопріятствуетъ свободному расположенію частей содержанія.

Кромѣ этого періодо-строфическаго построенія, христіанскимъ богослужебнымъ пѣснопѣніямъ не чуждъ былъ, какъ можно съ основаніемъ, кажется, утверждать, судя по одному памятнику христіанской древности, и другой еще своеобразный способъ мѣрнаго расположенія частей, усматриваемый въ библейскихъ поэтическихъ произведеніяхъ ветхаго завѣта, въ частности,—въ псалмахъ,—расположенія алфавитнаго. Въ самомъ дѣлѣ, для насъ представлялось бы совершенно загадочнымъ появленіе алфавитно-псалмообразнаго построенія пѣсней, съ раздѣленіемъ на 24 части—строфы, по числу буквъ греческаго алфавита, какъ мы находимъ это въ «Пирѣ десяти дѣвъ» Св. Меѳодія Тирскаго,—если не предположить, что этотъ родъ расположенія частей въ псалмахъ нашелъ себѣ приложеніе въ богослужебныхъ христіанскихъ пѣснопѣніяхъ въ первыхъ вѣкахъ.

Такимъ образомъ, при взглядѣ на эти разобранные памятники, едва ли можно сомнѣваться въ употребленіи библейско-поэтическаго построенія въ произведеніяхъ богослужебной гре-

---

Ὑμνοῦμεν πατερα καὶ υἱον
Καὶ ἅγιον πνεῦμα θεὸν

* * *

Ἄξιον σε ἐν πάσι
Καιροῖς υμνεῖσθαι φοναῖς
Ὁσίαις, υιε θεοῦ
Ζοὴν ο διδοὺς διό
Ὁ κοσμος σε δοξάζει.

ческой поэзіи первыхъ временъ христіанства. А отсюда, естественно, является мысль, что произведенія эти слагались подъ непосредственнымъ вліяніемъ ветхозавѣтныхъ пѣснопѣній и, потому, находятся въ родственной связи съ ними.

Выходя изъ этого взгляда на происхожденіе первоначальныхъ богослужебныхъ пѣснопѣній греческой церкви и руководствуясь тѣмъ же анализомъ, можно, кажется, теперь попытаться проникнуть, такъ сказать, въ самое начало богослужебно-поэтическаго творчества, уловить первое появленіе, возникновеніе зачатковъ богослужебной поэзіи въ ней. Такъ, прилагая начала ритмическаго строя частей, уже легко расширить область богослужебной поэзіи первой ступени ея развитія въ греческой церкви отнесеніемъ къ этой области тѣхъ мѣстъ Св. Писанія Новаго Завѣта, которыя, по своему поэтическому складу, отзываются богослужебными пѣснями, въ духѣ псалмовъ ветхозавѣтныхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ мѣстъ, представляющихся, по взгляду изслѣдователей, отрывками церковныхъ пѣсней, близость ихъ къ разсмотрѣннымъ пѣснопѣніямъ, по параллелизму, очевидна. Въ нихъ съ точностью можно указать этотъ параллелизмъ, какъ напр., въ отрывкѣ:

Востани, спяй,
И воскресни отъ мертвыхъ,
И освѣтитъ тя Христосъ [1]).

Здѣсь синонимическое отношеніе между первыми двумя членами и синтетическое—между ними, взятыми вмѣстѣ, и послѣднимъ выступаетъ отчетливо, какъ: a b c. Это, какъ извѣстно, самая простая и употребительная форма параллелизма въ библейскихъ пѣсняхъ. Болѣе сложный и вполнѣ выдержанный параллелизмъ членовъ встрѣчается въ другомъ отрывкѣ, гдѣ соотвѣтствіе въ членахъ можно раздѣльно представить такъ: a b c d e f

Аще (бо) съ нимъ умрохомъ,
То съ Нимъ и оживемъ;
Аще терпимъ,
Съ Нимъ и воцаримся;

[1]) Еф. V, 19.

Аще отвержемся,
И той отвержется насъ [1])

Изъ всѣхъ поэтическихъ откровенъ, которые, по мнѣнію изслѣдователей, находятся въ книгахъ новаго завѣта, большею цѣльностью и характерностью свободно-ритмическаго построенія отличается извѣстная «Пѣснь Агнцу», заключающаяся въ XV главѣ Апокалипсиса. Общій строй параллелизма въ этой пѣсни замѣняется здѣсь свободнымъ теченіемъ рѣчи, безъ искусственнаго сопоставленія членовъ, съ нѣкоторымъ только оттѣнкомъ параллелизма, въ чемъ узнается свободно-ритмическое построеніе гимновъ (кантикъ) Моусея. Вотъ эта «Пѣснь», которая въ стихотворномъ видѣ представляется такъ:

Велія и дивна дѣла Твоя,
Господи, Боже, Вседержителю!
Праведни и истинни путіе Твои,
Царю Святыхъ.
Кто не убоится Тебе, Господи,
И прославитъ имя Твое?
Яко единъ преподобенъ еси:
Яко вси языцы пріидутъ
И поклонятся предъ Тобою,
Яко оправданія Твоя явишася.

Не нужно, кажется, вдаваться въ анализъ этого отрывка, чтобы видѣть въ немъ пѣсненный складъ, съ одной стороны, и сродство съ ветхозавѣтными пѣснями—съ другой,—замѣтить, какъ все звучитъ здѣсь торжественною ветхозавѣтною пѣснію. Такъ и видно, что «Пѣснь» эта вылилась изъ сердца, которому слишкомъ близокъ былъ восторгъ, обнимавшій ветхозавѣтныхъ поэтовъ при видѣ чудесныхъ явленій. Замѣчательно, что Св. ап. Іоаннъ Богословъ какъ бы намѣренно сближаетъ приведенную имъ «Пѣснь» съ подобнаго же рода ветхозавѣтными, прямо сопоставляя ее съ торжественною пѣснію Моусея, воспѣтою имъ по переходѣ черезъ Чермное море. Дѣйствительно, въ «Пѣсни Агнцу» слышенъ отголосокъ, даже болѣе—видно подраженіе, если не сокращеніе, пѣсни Моусея.

---

[1]) II Тѳ. II, 11—13.

Послѣ разсмотрѣнія такихъ характерныхъ образцовъ пѣсней, находимыхъ въ книгахъ новозавѣтныхъ, нѣтъ, кажется, необходимости разбирать подобнымъ же образомъ и всѣ прочіе отрывки, на которые указываютъ какъ на остатки христіанскихъ пѣсней апостольскаго времени. И въ нихъ въ высшей степени ясно представляются тѣ общія черты, которыми первоначальная гимнологія христіанская тѣсно связывается съ ветхозавѣтною богослужебною поэзіею,—тѣ черты, которыя съ очевидностью изобличаютъ происхожденіе первыхъ христіанскихъ пѣснопѣній,—показываютъ, что они прямо выродились изъ пѣсней ветхозавѣтныхъ.

Съ этимъ послѣднимъ выводомъ открывается новая, дальнѣйшая сторона въ вопросѣ о происхожденіи первыхъ христіанскихъ пѣснопѣній, выступаетъ новая задача—уловить первоначальный моментъ возникновенія ихъ подъ вліяніемъ ветхозавѣтныхъ пѣсней. Но задача эта, по недостатку прямыхъ данныхъ для выполненія ея, выводитъ насъ изъ предѣловъ научнаго изслѣдованія въ область предположеній, которымъ, впрочемъ, нельзя отказать въ весьма важномъ значеніи для болѣе или менѣе яснаго представленія первоначальнаго способа происхожденія христіанскаго пѣснопѣнія.—Вникая въ условія и строй богослуженія апостольскаго и ближайшаго къ нему времени, можно съ основаніемъ предполагать, что первыя христіанскія пѣсни были плодомъ богослужебной импровизаціи, которая входила, какъ уже мы видѣли, въ составъ богослужебныхъ дѣйствій въ первенствующей церкви. Это импровизированіе вдохновенныхъ пѣсней освящено примѣрами ветхозавѣтной Церкви. Извѣстно, какое значеніе имѣло оно въ ветхомъ завѣтѣ, и какъ часто допускалось, что видно изъ богатства импровизированныхъ, приведенныхъ нами выше, гимновъ, или кантикъ, занесенныхъ въ ветхозавѣтныя книги. Нужно замѣтить, правда, что въ ветхозавѣтное время чаще импровизировались молитвы, но такія молитвы, которымъ не доставало только исполненія въ пѣніи, чтобы статъ пѣснями,—столько въ нихъ лирическаго содержанія. Въ этой-то формѣ представляются намъ и поэтическія изліянія религіоз-

наго чувства вдохновенныхъ лицъ евангельской и апостольской исторіи, которыя въ своемъ импровизированіи, конечно, слѣдовали обычаю, освященному въ ветхомъ завѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, пѣсни—Дѣвы Маріи, Захаріи и Симеона—и по содержанію, и по характеру, и по формѣ могутъ быть названы, какъ и называютъ ихъ изслѣдователи, кантиками. Къ кантикамъ относятъ импровизированный—первый, по мнѣнію изслѣдователей, гимнъ христіанскій, принадлежащій апп. Петру и Іакову (Дѣян. Апост. IV, 24—30). Наконецъ, апостолъ Павелъ прямо указываетъ на импровизированіе псалмовъ, какъ на употребительный способъ выраженія въ Церкви благоговѣйнаго настроенія.

Съ третьяго вѣка въ Греческой Церкви появляются пѣсни, по строенію стиховъ неподходящія подъ складъ библейско-поэтическаго построенія, отразившагося на гимнологіи предъидущаго времени. Въ нихъ видны начала искусственнаго размѣра, а вмѣстѣ съ тѣмъ — слѣды инаго вліянія—произведеній свѣтской греческой поэзіи. Вліяніе это весьма ощутительно сказывается въ характерномъ образцѣ церковныхъ пѣсней этой группы, какимъ является «Гимнъ Христу Спасителю», Климента Александрійскаго. Въ немъ мы находимъ метрическое стихосложеніе, въ которомъ соединяются анапесты, иногда дактилы съ спондеями. Впрочемъ, съ перваго взгляда въ немъ можно замѣтить недостатокъ правильнаго чередованія ихъ. Мало того, и въ этомъ видѣ они проходятъ не по всему гимну, а, хотя и рѣдко, оставляютъ промежутки въ стихахъ, въ которыхъ теряется закономѣрность стопъ, какъ напримѣръ, въ началѣ первой строфы—во второмъ и третьемъ стихахъ [1]). Нужно сказать, однако, что всѣ остальныя строфы «Гимна» въ начальныхъ стихахъ представляютъ взаимослѣдованіе анапеста и спондея въ различныхъ комбинаціяхъ, что уклоненіе отъ точнаго размѣра встрѣчается только въ послѣ-

---

[1]) Στομίον | πώλων | ἀδαῶν
Πτερὸν ὀρνίθων ἀπλανῶν
Ὅιαξ νηπίων ἀτρεκῆς
Ποιμὴν | ἀρνῶν | βασιλικῶν

дующихъ стихахъ [1]). Эта пестрота стихосложенія, являющаяся вслѣдствіе несоблюденія закономѣрности стопъ въ стихахъ, усиливается еще неравномѣрностью количества стопъ въ нихъ, что видно отчасти изъ приведеннаго въ нашей выноскѣ текста стиховъ. Господствующимъ размѣромъ въ стихахъ «Гимна» является двустопный метръ, по которому каждый стихъ состоитъ или изъ одного анапеста и одного спондея, или изъ двухъ анапестовъ, или двухъ спондеевъ. Между тѣмъ по всему стихотворенію разсѣяны стихи, явно нарушающіе общую мѣру,—трехстопные, напримѣръ, какъ это видимъ въ первой строфѣ.

Не смотря на всѣ эти погрѣшности противъ правильнаго греческаго стихосложенія, общій внѣшній видъ «Гимна» осязательно показываетъ, что онъ, заключая въ себѣ метрическое стихосложеніе, слѣдовательно, удовлетворяя, по своему выраженію содержанія, требованіямъ музыкальности, открываетъ собою для насъ новый родъ пѣсней древне-греческой церкви—съ ясною печатью вліянія греческихъ, конечно, свѣтскихъ образцовъ. Что разсматриваемый «Гимнъ», дѣйствительно, явился подъ этимъ, начинавшимся тогда, вліяніемъ,—это фактъ; но связать его, для объясненія, съ другимъ, предшествовавшимъ, равно какъ указать самые образцы непосредственнаго вліянія на его форму выраженія, оказывается почти невозможнымъ. Здѣсь, такимъ образомъ, мы встрѣчаемся съ весьма страннымъ явленіемъ,—тѣмъ, что происхожденіе самыхъ первыхъ богослужебно-поэтическихъ произведеній греческой церкви, относящихся къ первому роду, объяснить гораздо легче, чѣмъ появленіе позднѣйшихъ съ классическими формами построенія. Мы не можемъ указать ни на одинъ родъ классическихъ гимновъ, къ которымъ бы можно было

---

[1]) Βασιλεῦ | ἁγιῶν .
Λόγε παν | δαμάτορ
Πατρὸς ὑ | ψίστοι
. . . . . .
Σῶτερ Ἰησον
Ποιμὴν | αροτηρ

поставить, напр. «Гимнъ» Климента [1]), въ болѣе или менѣе близкое отношеніе, какъ къ образцамъ (по построенію), подобно тому, какъ находили образцы для памятниковъ съ чертами вліянія библейскаго. Это затрудненіе въ объясненіи внесенія формъ классической метреки въ церковную поэзію можно, пожалуй, преодолѣть, если только допустить гипотетическую мысль, что первоначальное появленіе метрическихъ пѣснопѣній вызвано было, можетъ быть, силою отрицательною — гностическою гимнографіею. А гностики, какъ извѣстно,—подобно тому, какъ вносили въ свое ученіе элементы языческіе въ смѣси съ христіанскими, подражая господствовавшей въ первыхъ вѣкахъ общей богослужебно-поэтической формѣ (гимна-псалма) христіанской, вмѣстѣ съ тѣмъ усвоили [2]) богослужебному пѣснопѣнію искусственные размѣры стихосложенія. Весьма возможно, что, въ противовѣсъ гностическимъ гимнамъ, стали вводить метрическіе размѣры и въ православную гимнографію. Стало быть, вліяніе свѣтскихъ поэтическихъ образцовъ александрійскаго періода на церковныя пѣснопѣнія этого времени, въ родѣ «Гимна» Климента Александрійскаго, было посредственнымъ, почему естественно, что, при утратѣ этихъ посредствующихъ образцовъ, теряется совершенно связь ихъ съ первыми. Во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, «Гимнъ» Климента нельзя признать прямымъ подражаніемъ классическимъ образцамъ. По своеобразнымъ особенностямъ стихосложенія, удаляющимъ его, отъ чисто классическихъ образцовъ, въ этомъ произведеніи можно находить только отголосъ вліянія классическаго. Мы не осмѣливаемся распространять это заключеніе на всѣ церковныя пѣснопѣнія съ метрическимъ стихосложеніемъ, являвшіяся до IV вѣка включительно, потому что въ эту группу, какъ можно судить по представленнымъ выше указаніямъ, входитъ противуаріанская гимнографія, сложившаяся подъ вліяніемъ новыхъ образцовъ, близко подходящихъ, по формамъ стихосложенія, къ классическимъ. Положительнымъ и

[1]) Августи находитъ, впрочемъ, возможнымъ видѣть въ стихахъ этого гимна родство съ стихами Орфическихъ гимновъ. Denkwürdigk. V, 339.

[2]) Напр., Вардесанъ.

весьма наглядным основаніемъ такому соображенію служатъ для насъ величественные памятники стройнаго, вполнѣ законномѣрнаго, чисто классическаго метра въ стихотвореніяхъ св. Григорія Богослова. Такъ, его Ὕμνος εἰς Χριζὸν написанъ строго выдержаннымъ трехстопнымъ размѣромъ, состоящимъ изъ анапеста и ямба. Но особенно замѣчательно то, что такіе сложные древне-классическіе размѣры, какъ гекзаметръ и пентаметръ являются у него во всей ихъ цѣлости и красотѣ, напр., въ извѣстномъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ: «Ὕμνος εἰς Χρισίον μετα την σ ιωπὴν, ἐν τω πασχα».

Эти характерные образы метрическаго стихосложенія въ церковно-поэтическихъ греческихъ произведеніяхъ четвертаго вѣка даютъ твердое основаніе заключать о томъ, какъ къ этому времени гимнографія Греческой Церкви непоколебимо усвоила родную метрику стиха, и какъ, слѣдовательно, время съ его особыми условіями успѣло побороть царившее до того предубѣжденіе къ ней. Съ этой точки зрѣнія «Гимнъ» въ Педагогѣ, Климента Александрійскаго, представляетъ какъ бы одинъ изъ первоначальныхъ моментовъ, одну изъ первыхъ, такъ сказать, несмѣлыхъ попытокъ такого усвоенія. Какъ бы посредствующею, затѣмъ, ступенью въ процессѣ постепеннаго внесенія въ гимнографію греческой церкви звучной, изящной греческой метрики является, скажемъ къ слову, грандіозный памятникъ освященія формъ искусственнаго стихосложенія для богослужебной поэзіи — гимнографія Сирской Церкви,—имѣвшей столь близкое общеніе съ Церковью греческою,—особенно же гимны св. Ефрема Сирина. Съ внѣшней стороны пѣснопѣнія св. Ефрема представляютъ своего рода подражаніе греческому стихосложенію, незадолго внесенному въ сирскую метрику гностиками, особенно Армоніемъ, сыномъ Вардесана. Примѣръ этотъ долженъ былъ еще болѣе возвысить прямыя, законныя права этого художественнаго наслѣдія грековъ на служеніе греческой церкви, которыя, какъ мы видѣли, и начали входить въ силу къ концу четвертаго вѣка. Съ этой поры стройность и гармоничность—становятся принадлежностью, украшеніемъ и вмѣстѣ высокимъ достоинствомъ звуковъ греческой церковной лиры.